

INSPIRIA

ДЖУЛИЯ КЛЭЙБОРН
ДЖОНСОН

**БУДЬ
СО МНОЙ
ЧЕСТЕН**

INSPIRIA

Джулия Клэйборн Джонсон

Будь со мной честен

Серия «Novel. Большая маленькая жизнь»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66587468
Джулия Клэйборн Джонсон Будь со мной честен:
ISBN 978-5-04-159991-1

Аннотация

Первый роман Джулии Клэйборн Джонсон, автора романа «В другой раз повезет!».

Позвольте познакомить вас с Фрэнком, 9-летним мальчиком, чей IQ выше, чем у 99,7% американцев. Он живет в стеклянном особняке в Бель-Эйр вместе со своей мамой, знаменитой писательницей Мими Бэннинг, жизнь которой полна загадок. В ожидании ее нового романа замер весь мир, и редактор отправляет на подмогу Элис – молодую девушку-ассистента. Только вот поработать с писательницей ей не удастся – вместо этого она будет вовлечена в необычный мир Фрэнка, его правил и проделок...

Дебютный роман Джулии Клэйборн Джонсон – о том, как жить, если ты не похож на других и понимать, что эти отличия помогают увидеть мир иначе и раскрыть его новые грани.

«Устраивайтесь поудобнее... и наслаждайтесь шоу». – New York Times Book Review

«Джулия Клейборн Джонсон создает невероятных, практически кинематографичных персонажей, вращающихся в привилегированных калифорнийских кругах. «Будь со мной честен» – о том, что значит быть не таким, как все и понимать, что отличие позволяет видеть мир по-другому. Как и у Фрэнка, у этой истории очень большое сердце». – BookPage

Содержание

Пролог	7
Февраль 2010	7
Часть первая	12
Июнь 2009	12
Часть вторая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Джулия Клэйборн Джонсон

Будь со мной честен

Julia Claiborne Johnson

BE FRANK WITH ME

Copyright (c) 2016 by Julia Claiborne Johnson

Published by arrangement with Avon Books,
an imprint of HarperCollins Publishers

Перевод с английского Ларисы Таулевич

Редактор Ю. Каллистратова

Фотография на обложке: © Stephen Mulcahey / Arcangel

Школа перевода
В. Баканова

© Л. Таулевич, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Крису, Уиллу и Коко, которые

*наполняют смехом каждый мой день, и Эйлин
Шнурр, которой это понравилось бы*

Пролог

Февраль 2010

В больницу мы с Фрэнком поехали на автобусе – машина сгорела. Когда я заметила, что на такси мы добрались бы туда в два с лишним раза быстрее, Фрэнк сказал:

– Я езжу в такси только с мамой. Ты мне – не мама, Элис.

Факт. Когда этот ребенок обращался к фактам, спорить с ним было бессмысленно.

– Ладно, автобус так автобус, – согласилась я.

Не успели мы проехать и двух остановок, как Фрэнк сказал:

– На меня все смотрят.

– Ну и что? – парировала я. – Значит, на тебя приятно смотреть.

Это тоже факт. Фрэнк – настоящий ангелочек: чистое лицо со здоровым детским румянцем, огромные темные глаза с неестественно длинными ресницами, россыпь веснушек на носу. У него рыжие волосы – только не безумные ярко-оранжевые кудряшки, как у детей, которых приглашают сниматься в рекламе в четырехлетнем возрасте, а в одиннадцать беспощадно дразнят на детской площадке. Шевелюра Фрэнка напоминает шерсть ирландского сеттера. Такие гу-

стые, шелковистые рыжие волосы, спадающие мягкими волнами, в естественном виде практически не встречаются. Точно от него минуту назад отошел стилист, приставленный следить за совершенством прически. На заре техноколора агенты по кастингу рвали бы его на части.

Впрочем, наших попутчиков смущала не красота Фрэнка. В Голливуде смазливые детишки – настолько распространенное явление, что их можно встретить даже в городском автобусе. Взгляды людей приковывал, так сказать, не сам алмаз, а его оправка. Утром, перед выходом из дома, Фрэнк уложил волосы в стиле Рудольфа Валентино, щедро сбрызнув их лаком, надел рубашку со скошенным воротником-стойкой, белый галстук, жилет, фрак, классические утренние брюки в узкую серую полоску и гамаши. Довершал образ цилиндр, покоившийся у Фрэнка на коленях, потому что, как он объяснил водителю, «джентльмены всегда снимают головной убор в помещении».

Я единственная в автобусе понимала, чего стоило моему подопечному снять цилиндр. Чтобы выйти во внешний мир, Фрэнк должен застегнуться на все пуговицы, укутаться, спрятаться в кокон, независимо от температуры окружающей среды. Приверженцы здравого смысла сказали бы, что ребенок одевается не по сезону; апологеты моды называют это стилем.

– Элис, ты можешь сделать так, чтобы они перестали на меня смотреть? – спросил Фрэнк.

– Нет, – призналась я. – Закрой глаза, и ты не будешь их видеть.

Фрэнк послушался и опустил голову мне на плечо. Я чуть не обняла его, однако вовремя остановилась. Когда мальчик приткнулся ко мне, я уловила запах гари. Обычно от Фрэнка пахло смесью лаванды, розмарина и детского пота. Хотя его комната при пожаре не пострадала, запах, очевидно, проник в гардеробную. Надо отдать в стирку всю одежду Фрэнка, а для этого придется нанимать грузовик.

– Они так смотрят, потому что ты единственный ребенок в автобусе, одетый в формальный утренний костюм, – добавила я.

– А что я, по-твоему, должен был одеть утром, да еще когда моя мама в больнице? Пижаму или вечерний костюм? – удивился Фрэнк.

Он сел прямо и повернулся ко мне, не открывая глаз.

– С твоей мамой все будет хорошо, – сказала я, искренне надеясь, что это правда. Кстати, не одеть, а надеть.

– Мне плохо дается грамматика.

– У каждого есть свои сильные и слабые стороны.

– Между прочим, Альберт Эйнштейн писал с ошибками, и у него был ужасный почерк, – сказал Фрэнк, вновь утыкаясь мне в плечо. – Несмотря на эти недостатки, в тысяча девятьсот двадцать первом году он получил Нобелевскую премию по физике. Думаешь, маму Эйнштейна так уж беспокоило его правописание?

– Все может быть, – сказала я. – Мамы – они такие, часто волнуются по пустякам, правда?

Ответа не последовало, и я поняла, что мальчик уснул. Вот и хорошо. Ехать еще долго, а Фрэнк почти не спал. Вымотался, бедный. Я сама с ног валилась. Еще неизвестно, что ждет нас в больнице. После пожара мать Фрэнка отправили на три дня под наблюдение психиатров.

М. М. Бэннинг – удалившаяся от мира известная писательница. Задолго до того, как стать знаменитой литературной отшельницей, матерью Фрэнка и моим боссом, юная недоучка из захолустного городка в Алабаме написала книгу «Питчер» – роман, завоевавший Пулитцеровскую премию и Американскую книжную премию. На тот момент девушке едва исполнилось двадцать лет. Роман стал не просто культовым – такие произведения можно пересчитать по пальцам. Даже сегодня, тридцать лет спустя после выхода в свет, книга продается тиражом более миллиона экземпляров в год. Главный герой – красивый, загадочный и безымянный бейсболист, который поразил мир своей гениальностью, а потом съехал с катушек. Книга не слишком длинная, написана простым языком и заканчивается смертью – беспроектная комбинация, которая позволила ей войти в список для чтения каждого американского старшеклассника. Со временем она стала своего рода пробным камнем трагедии, удобным символом для любой истории о потерпевшем поражение спортсмене или другой проклятой душе. Положите ро-

ман на прикроватный столик такого героя, и аудитория сразу все поймет.

Насколько мне известно, после того бестселлера М. М. Бэннинг не написала ни строчки.

Часть первая

Кто такой Фрэнк?

Июнь 2009

1

– Мими сейчас вся на нервах, – сказал Айзек Варгас, когда просил меня отправиться в Калифорнию и взять на себя роль помощницы М. М. Бэннинг, пока та будет писать долгожданный второй роман.

Я уже год как занимала должность его ассистента – в том самом нью-йоркском издательстве, что в конце 70-х опубликовало ее литературный блокбастер. Мистер Варгас, занимавший тогда должность младшего редактора, откопал шедевр в куче рукописей, присланных начинающими писателями, и с тех пор числился личным редактором М. М. Бэннинг. Сугубо теоретически, ведь редактировать после той первой книги было нечего. Они практически не общались. В последний раз перед этим мистер Варгас говорил с ней еще до моего рождения.

– Мими в цейтноте. Она должна написать эту книгу кровь

из носу, причем быстро, – пояснил он.

Ей требовался ассистент, который поможет с компьютером и будет решать хозяйственные вопросы, пока она не закончит роман.

– Это должен быть умный и толковый человек, которому мы доверяем. Я подумал о тебе, Элис.

Я пришла в смятение. «Питчер» – любимая книга моей матери. У меня перед глазами встал потрепанный томик в мягкой обложке с пожелтевшими страницами и оторванными треугольничками по краям в тех местах, где она загибалась уголки. Аннотация на задней обложке гласила:

«Произведение, написанное с подлинным чувством и невероятной проницательностью. Выдающийся талант автора сделал эту книгу голосом не только своего, но и множества грядущих поколений. Новая классика!»

К этому прилагалась фотография юной М. М. Бэннинг. Короткие морковно-рыжие волосы, большие карие глаза за тяжелыми мужскими очками, бесформенный вязаный кардиган. Она напоминала скорее худосочного мальчишку в отцовской одежде, чем девушку на пороге двадцатилетия. Подростком моя мать была ее преданной поклонницей и каждый Хэллоуин конфисковала у своего отца кардиганы и очки, чтобы отправиться на вечеринку в костюме М. М. Бэннинг. Она бы и меня одевала в отцовские кардиганы и очки, если бы мой папаша не сбежал от нас, еще когда я ходила в младшую школу.

– Ха, – сказал мистер Варгас, когда я поведала ему о своей матери. – Самое смешное, что для этого фото Мими позировала мои очки и кардиган: она категорически отвергла все образы, предложенные стилистом, а мастеру по причёскам и макияжу велела сделать простую стрижку ежиком. Когда та предложила ей модный женский вариант короткой стрижки, пикси, Мими заявила, что хочет быть похожей на писателя, а не на дурнушку, приглашенную на встречу одноклассников, чтобы оттенить красоту королевы бала. Я сказал, что получилось здорово, а она ответила: «Больше всего мне нравится в этой фотографии то, что ее возненавидит моя мать».

– И как, план удался?

– Скорее всего, та даже не удосужилась на нее посмотреть, – сказал мистер Варгас, погладив щетину на подбородке и бросив взгляд в окно. – Вот что, ты лучше не рассказывай Мими о своей матери. У нее сложные отношения с поклонниками. Да и с собственной родительницей. По-моему, она иной раз жалеет, что написала эту книгу. Кстати, я говорил, что у Мими теперь есть ребенок? Его зовут Фрэнк. Представляешь, впервые о нем слышу.

В предисловии к последнему изданию «Питчера» – я купила книгу в аэропорту, решив перечитать в самолете, – критики выдвигали множество догадок о том, что заставило умолкнуть «голос своего и множества грядущих поколений». Одни уверяли, что М. М. Бэннинг не любила писать.

Другие считали, что обожала писать, просто не выносила критики. «Она задыхалась от внезапно обрушившейся славы». «У нее собралась целая куча рукописей, которые будут опубликованы посмертно, когда ей будет уже все равно, что о ней подумают». «Она вообще не писала никакую книгу, а опубликовала нечто вроде длинной предсмертной записки своего великолепного умершего брата».

Что касается загадочного ребенка, которого она воспитывает одна, то о нем вообще никто не строил никаких предположений. Вместе с книгой я приобрела блокнот, чтобы вести дневник. Выбор был невелик, и я остановилась на розовом с единорогом. Приклеенную к нему скотчем пачку карандашей я оставила на стуле в зале ожидания, надеясь, что они пригодятся какому-нибудь ребенку.

«Кто такой Фрэнк?» – написала я на первой странице, пока ждала объявления на посадку.

Начнем с того, кто такая М. М. Бэннинг. Мистер Варгас сообщил мне, что ее имя – такой же вымысел, как и книга. Издатель решил, что Мими Гиллеспи звучит несерьезно, и она придумала псевдоним М. М. Бэннинг – имя неопределенного пола, которое больше подходит директору банка, чем бросившей колледж девчонке из Алабамы. Когда книга была опубликована и стала хитом, Мими Гиллеспи все равно что умерла. Для всех, кроме мистера Варгаса, который помнил ее до превращения в знаменитость.

М. М. Бэннинг жила в Бель-Эйр. Такие дома я видела до сих пор только в журналах: на улицу выходит каменная стена, обрамленная пальмами, а дальше – сплошное стекло. На месте знаменитости, озабоченной неприкосновенностью своей частной жизни, я ни за что не купила бы такой дом. Наверное, М. М. Бэннинг и сама порой просыпается по утрам, не понимая, как здесь оказалась.

По словам мистера Варгаса, Мими не собиралась жить в Лос-Анджелесе. В двадцать два года она поехала в Голливуд наблюдать за съемками фильма по своей книге, сообщив редактору, что пробудет в Калифорнии всего пару месяцев.

Вначале все шло прекрасно. Картина завоевала целую охапку Оскаров, в том числе и за сценарий, в написании которого Мими принимала участие в качестве консультанта. На церемонию она явилась под ручку с подающим надежды актером, сыгравшим питчера. Восходящая звезда американского кинематографа Хейнс Фуллер любил сверкать голым торсом и представлял собой полное ничтожество. Журналисты окрестили пару «современными Артуром Миллером и Мэрилин Монро из параллельной вселенной», потому что Мими всегда ходила в очках и кардиганах, а Хейнс выстав- лял напоказ свою грудь.

В двадцать три года Мими вышла за него замуж, а в двадцать пять развелась. Вместо того чтобы вернуться в Нью-Йорк, она купила стеклянный дом и спряталась в нем. Точнее, попыталась. Как можно спрятаться за стеклом? Она еще

распаковывала вещи, а самые преданные поклонники уже прижимались носами к окнам.

«Я читал твою книгу. Мне знакома твоя боль. Выходи поговорить».

Для защиты от фанатов М. М. Бэннинг выстроила каменную стену, увенчанную колючей проволокой. Поклонники и журналисты порой еще бродили по периметру, надеясь... Интересно, на что? Ожидали, что удалившаяся от мира гениальная романистка выйдет позировать для литературного эквивалента фотографии йети? Или что в один прекрасный день ей станет одиноко, она пригласит их в дом и они станут закадычными друзьями?

Таксист уехал, высадив меня перед воротами. Не заметив вокруг никаких подозрительных типов с биноклями, я облегченно вздохнула и набрала код. Двадцать один, две двойки, три ноля. Калитка распахнулась, я проскочила во двор и потащила сумки вверх по крутой дорожке, ведущей к дому. Я целую минуту простояла на дверном коврике с надписью «Добро пожаловать», размышляя об иронии судьбы. Узнав, что я здесь, моя мать умерла бы от восторга, если бы не скончалась задолго до этого.

– Лос-Анджелес – рай на Земле, Элис, – сказал мистер Варгас, прощаясь со мной в Нью-Йорке, и нацарапал на листочке код. – Трудно винить людей, которые поддались искушению. Ты там бывала когда-нибудь?

– Нет, – сказала я.

– Там должен побывать каждый.

– А вы там часто бывали? – спросила я.

– Один раз, – признался он. – Видишь ли, Элис, многие считают Мими невыносимым человеком, только я не стал бы отправлять тебя к ней, если бы она мне не нравилась. Она примет тебя, когда узнает поближе. А тем временем не давай ей себя отпугнуть.

Я вытерла ноги о коврик и расправила плечи. «Не давай себя отпугнуть». Я растянула губы в улыбке, придав ей ровно столько теплоты, чтобы не выглядеть сестрой Рэтчед из «Полета над гнездом кукушки», и пробормотала фразы, заготовленные в самолете.

«Я прекрасно понимаю, что значит быть матерью-одиночкой. Сама росла без отца... Не беспокойтесь, я поела в самолете, спасибо. Только стакан воды, если можно. Не утруждайте себя, я сама. Где у вас... А это, наверное, Фрэнк! Всего девять? Ты выглядишь гораздо старше».

Мне и не снилось, что меня ждет! Для начала я слишком затянула генеральную репетицию: отшельница распахнула дверь, не дожидаясь звонка, и сердито спросила:

– Ты кто такая? Я слежу за тобой в камеру безопасности от самых ворот.

Оторопев, я потрясенно выдохнула, точь-в-точь как ребенок, который кричит «Санта!», увидев у черного входа в универмаг мужчину в красном костюме и с фальшивой бородой, выскочившего покурить:

– М. М. Бэннинг!

Ни за что не узнала бы ее в толпе. За годы, что прошли после фотографии на обложке, ярко-рыжие волосы превратились в невыразительный пегий хвостик, между бровями образовались глубокие морщины, а линия подбородка утратила четкость. Только глаза остались прежними: карие, такие темные, что радужка почти сливается со зрачком. Да еще очки и кардиган. Теперь она больше напоминала не писательницу, а средних лет библиотечаршу. Разъяренную, с мобильным телефоном в руках.

– Лучше скажи, что тебя прислал Айзек Варгас, – потребовала она, – а то я могу вызвать полицию одним нажатием кнопки.

Я стала ее поклонницей не сразу. В восьмом классе, прочтя ту самую мамину книгу для обсуждения на уроке литературы, я вообще не поняла, почему роман вызвал такой ажиотаж.

– Меня бесит, что она всю книгу называет главного героя питчером, – заявила я маме. – Почему она не дала ему имя?

Мама сказала, что, наверное, автор хотела сделать историю универсальной, чтобы читателю было легче представить на месте героя своего брата или сына.

– У меня нет ни брата, ни сына, – отрезала я. – И я представляю на его месте молочник с ручкой.

Бедная мама! Любимая книга, раскритикованная един-

ственной дочерью! Ну что я могу сказать в свое оправдание? Пятнадцатилетней Элис гораздо больше нравился загадочный Джей Гэтсби с улыбкой на миллион долларов, роскошным особняком и шелковыми рубашками.

Я перечитала книгу на третьем курсе колледжа в рамках курса «Литература двадцатого века», вскоре после того, как моя мать скоропостижно скончалась от сердечного приступа. Мне показалось, что это совсем другая книга. Она порвала меня на кусочки. Я призналась в классе, что выплакала все глаза.

– Теперь ты понимаешь, – сухо заметила преподаватель, – что всему свое время. И книгам – тоже.

Когда М. М. Бэннинг позвонила мистеру Варгасу, я сидела у себя за столом напротив открытой двери в его кабинет. Они беседовали без малого час. Мой патрон говорил мало и односложно, в основном «Да, понимаю», «Ага», «Не может быть!» и «Мне очень жаль, Мими».

Суть беседы сводилась к тому, что удалившуюся от дел писательницу оставил без гроша «консультант по инвестициям», которого в марте приговорили к пожизненному тюремному заключению за обман богатых и очень богатых людей по всей Америке. К лету ей угрожала потеря не только дома, но и авторских прав на собственную книгу, которые она имела неосторожность передать крупным мошенникам, обещавшим легковверным богачам оптимальное управление

финансами.

– Их офис находился на Родео-драйв в Беверли-Хиллз, – сказала она мистеру Варгасу. – За мной присылали машину. У них была красивая офисная мебель. Я им поверила.

Это его добило.

– В кабинете у онколога моей жены тоже была красивая офисная мебель, – сказал он мне.

Через несколько месяцев после моего прихода жена мистера Варгаса скончалась от рака поджелудочной железы. Той осенью их дочь Кэролайн поступила в дорогой частный университет на Западном побережье. В довершение ко всему издательство, где он проработал всю жизнь, приобрел крупный медиаконгломерат, и мистер Варгас в любую минуту ждал звонка из отдела кадров с уведомлением о сокращении. И вдруг – М. М. Бэннинг со своей второй книгой! Каким бы ни оказался новый роман – гениальным, ужасным или посредственным, – он обречен стать бестселлером. Карьера моего босса спасена – во всяком случае, временно. Подумать только, Мими просит у него помощи, даже не подозревая, что бросает нам спасательный круг.

– Какой срок? – спросил мистер Варгас.

Можно было подумать, что он разговаривает с родственницей, которая недавно забеременела долгожданным ребеночком.

По его словам, Мими ответила, что на бумаге нет еще ни слова, а в голове – уже начало и середина.

М. М. Бэннинг поставила два особых условия: внушительный аванс и помощник, оплачиваемый издательством и выбранный лично мистером Варгасом, «поскольку, — сказала она, — как вы однажды деликатно заметили, я плохо разбираюсь в людях».

— Такое могло случиться с каждым, — заметил мистер Варгас.

Только не со мной, подумала я. Со мной бы никогда не произошло ничего подобного. Я для этого слишком осторожна. Кое-кто из однокашников называл меня занудой, однако эти «весельчаки» не стеснялись звонить мне, прося внести залог в полицию, чтобы об их увлекательных ночных похождениях не узнали родители. Эти прожигатели жизни знали, что я не сплю, а сижу у себя в комнате, трезвая как стеклышко, и занимаюсь. Я сбилась со счета, сколько раз мне приходилось спасать их задницы.

Мистер Варгас нацарапал на листочке список достоинств, которыми, по мнению Мими, должен обладать идеальный помощник.

«Не выпускник Лиги Плюща или филологического факультета.

Водит машину, умеет готовить и убирать.

Разбирается в компьютерах.

Умеет обращаться с детьми.

Тихий. Скромный. Здравомыслящий».

До встречи с мистером Варгасом я перепробовала мно-

жество случайных работ, типичных для людей моего возраста. Я не хотела впрягаться в работу по специальности, набираться опыта и строить карьеру. Я получила диплом бухгалтера, хотя пока что не могла заставить себя им воспользоваться. Я подвизалась в качестве грумера для домашних животных, бариста, официантки, няни в детском саду, раздавала рекламные буклеты и рисовала туристов в Центральном парке.

Мистер Варгас нашел меня в компьютерном магазине, где я подрабатывала по выходным, поскольку зарплаты учителя математики в частной школе не хватало на аренду квартиры, еду и страховку. В магазине мне приходилось напяливать на себя пластиковую табличку с надписью «Привет! Я гений! Спросите у меня о чем угодно!»

После того как я целый час демонстрировала ему сочетания клавиш для управления потоком информации, мистер Варгас сказал, что я заслужила все три восклицательных знака у меня на груди, и предложил работу.

– А ваша компания покрывает страховку и больничные? – спросила я, хотя за всю свою жизнь не пропустила ни единого рабочего дня.

Оказалось, что да. В те дни застраховаться самостоятельно было невероятно дорого и сложно; оплачиваемая работа в солидном учреждении с социальным пакетом казалась мне пределом мечтаний. Вакансия предполагала страховку, оплату больничных и две недели отпуска в год. Мистеру Вар-

гасу не пришлось повторять дважды.

Так я оказалась на пороге особняка М. М. Бэннинг и получила выговор от голоса своего и грядущих поколений.

Я собрала себя в кучу, пока она не вызвала полицию, и сказала:

– Меня прислал мистер Варгас.

Она положила телефон в карман кофты.

– Тогда ладно, – сказала она. – Прекрати на меня пялиться и можешь заходить.

2

– Его зовут Фрэнк.

Мы с М. М. Бэннинг сидели на диване в гостиной, наблюдая в окно за ее сыном, который играл во дворе под палящими лучами калифорнийского солнца. Видавший виды фрак и костюмные брюки, в сочетании с босыми ногами и замызганной мордахой, придавали мальчику вид бродяжки со страниц «Оливера Твиста», пешком проделавшего долгий путь в Лос-Анджелес из диккенсовского Лондона, ночуя в канавах.

Под словом «играл» я подразумеваю, что он нападал на небольшое персиковое дерево с желтой пластмассовой бейсбольной битой, сбивая зеленые июльские персики с таким рвением, словно от этого зависело будущее всего человечества.

– Он всегда так одевается? – спросила я.

– В некотором роде.

– Поразительно. Никогда не видела мальчика, который придавал бы такое значение одежде. Обычно им ничего не надо, кроме футболки и шортов.

Моя мама всегда говорила, что лучший способ подружиться с женщиной, у которой есть ребенок, – найти способ его похвалить. Такой подход сослужил мне хорошую службу в частной школе, даже когда было трудно придумать что-нибудь, кроме «Ваш сын – такой славный маленький дурачок».

– Я знаю, – раздраженно произнесла она.

Не сработало. Я предприняла еще одну попытку.

– У Фрэнка столько энергии!

– К вечеру я чувствую себя как выжатый лимон, – сказала она, – а утром просыпаюсь уже уставшей.

Да. Я хорошо долетела. Спасибо, что спросили.

Фрэнк вновь атаковал дерево, теперь нарочито медленно, в стиле театра кабуки: отточенные движения, непроницаемая маска на лице. Я решила попытаться еще разок.

– Это что у него, бейсбольная бита? В частной школе я тренировала команду по бейсболу.

– Тогда ты должна знать, как выглядит бейсбольная бита, – сказала она.

А ведь мистер Варгас предупреждал меня, что она не любит пустой болтовни. Да уж. Я сдалась и стала наблюдать за мальчиком, сбивавшим с дерева последние зеленые плоды. Было неловко сидеть так близко к М. М. Бэннинг, с которой

я едва познакомилась, однако скучная меблировка гостиной не оставляла выбора. Она состояла из дивана в белом чехле, на котором мы расположились, и черного кабинетного рояля, все это время игравшего ритмичные регтаймы Скотта Джоплина. Возле рояля стояла банкетка, только глупо садиться за инструмент, если не собираешься на нем играть.

Никаких ковров, только палас от стены до стены в коридоре. Вот бы мама удивилась! Она всегда считала, что сплошное ковровое покрытие – признак дурного вкуса. Правда, в квартирах, где мы жили, оно почти всегда присутствовало. Ни фотографий на рояле, ни картин. Тем не менее на стенах виднелось несколько темных квадратов, где до недавнего времени, очевидно, висели картины. Комната выглядела так, точно М. М. Бэннинг с сыном только вселились или, наоборот, скоро съезжают.

– Фрэнк – необычный ребенок, правда? – рискнула заметить я.

Она сняла очки и потерла нос.

– Не то слово.

Мальчик тем временем бросил битую и пошел перемолвиться словечком с обшарпанным черным «Мерседесом»-универсалом, стоящим на дорожке. Судя по всему, ему удалось достичь взаимопонимания с багажной полкой, поскольку Фрэнк снял ремень, сделал петлю и открыл дверцу. Встав на подножку, он привязал ремень к багажнику.

М. М. Бэннинг вскочила с места, подошла к стеклянной

раздвижной двери и попыталась ее открыть. Дверь не поддавалась.

– Вам помочь? – предложила я.

– Я собиралась ее починить, – сказала она, – но человек, который обычно этим занимается, в отъезде, а я не люблю чужих людей в доме. Что он делает?

Мальчик продолжал свое занятие. Он просунул руку в петлю, спрыгнул на землю и закрыл дверцу, не забыв поднять руку, чтобы ремень не застрял. Он взбрыкнул ногой и распластался по дверце, а затем повторил этот маневр еще раз, изображая свободной рукой пистолет, из которого стреляет по багажнику. Фалды фрака развевались у него за спиной. Все это напоминало черно-белые вестерны, которых я вволю насмотрелась по телевизору в детстве после школы.

– Если не ошибаюсь, грабит почтовую карету, – сказала я.

М. М. Бэннинг приложила руку к груди и отошла от двери.

– Да. Он играет. С ним все хорошо. Дверь подождет. Все нормально. Успокойся.

Она обращалась явно не ко мне.

– Не волнуйтесь, – сказала я.

Я не отношусь к любителям банальных фраз, просто уже давно поняла, что в общении с проблемными людьми – богатой мамашей-паникершей, изголодавшимся манхэттенским веганом, заказывающим поздний ланч, – необходимо излучать олимпийское спокойствие и заниматься своим делом. Я продолжала возиться с дверью.

– Она просто выскочила из пазов.

Я дернула дверь, и она встала на место.

– Если опять заклинит, сделайте вот так.

Я показала, как приподнять дверь и куда дернуть.

– Послушайте, когда ваш мастер вернется, пусть заменит стекло, – сказала я, указывая на длинную зигзагообразную трещину в одной из огромных рам. – Вы так и напрашиваетесь на несчастный случай. Откуда эта трещина? У вас было землетрясение?

Мне не хотелось думать о землетрясениях, только как не думать о них в Лос-Анджелесе? Правда, везде, где я жила, существовала опасность того или иного бедствия: в Небраске – торнадо, в Нью-Йорке – уличные ограбления. Наверное, в глубине моей осторожной натуры бьется сердце, влюбленное в опасности.

– Фрэнк разбил его головой, – бесстрастно сообщила М. М. Бэннинг.

– Ничего себе! Такое случается чаще, чем можно подумать. Стекло ведь прозрачное, и ребенок его не замечает. Нужно приклеить яркие наклейки на уровне его глаз, чтобы Фрэнк видел, что дверь закрыта, когда бежит играть на улицу.

– Надо же, ты так хорошо знаешь, что нужно делать. А как думаешь, твои наклейки помогут ему не биться головой о стекло, когда дверь заклинило и он психует, что не может ее открыть?

– Гм... – задумалась я. – В таком случае не надо наклеек. Лучше я покажу ему, как ставить дверь на место.

– Да, сделай милость, – сказала она, толкая дверь туда и обратно. – Надо ж такое придумать, наклейки. Ты ведь не из Нью-Йорка?

– Из Небраски.

– Естественно, из Небраски, откуда же еще. Штат «Покажи-ка мне».

– Так называют Миссури, – возразила я.

– Все эти центральные штаты на одно лицо, – сказала она, открыла дверь и окликнула сына: – Иди сюда, Фрэнк! Скорее!

Толкнув одним мизинчиком дверь, она сощурилась, глядя через стекло, и перевела взгляд на часы.

– Это надолго.

– Иду, ма! – крикнул Фрэнк.

Грабитель освободился от оков, надел ремень и вернул в кобуру воображаемый револьвер. Прошелся по двору, сдернул с куста розу, погладил лепестки и картинно понюхал цветок, после чего вставил его в нагрудный карман и расправил, придавая сходство с карманным платком. Врезался в гущу лимонных деревьев, чередующихся с огромными кустами лаванды. Пробежался туда-сюда вдоль вечнозеленой изгороди, ведя рукой по верхушкам кустов. Завел руки за спину и стал клониться в сторону поверженного персика, пока наклон не перешел в гротескное клоунское падение, сопро-

вождаемое бешеной какофонией, состоящей из свиста, взрывов, визга и стонов. Мы слышали все это через стекло. После этого Фрэнк полежал еще немножко, сперва притворяясь мертвым, а затем царапая в пыли какие-то замысловатые узоры.

М. М. Бэннинг вновь посмотрела на часы.

– Пять минут.

Она толкнула дверь и вновь окликнула сына:

– Фрэнк! Нам до старости тебя ждать?

Она окинула меня оценивающим взглядом.

– Ну, кое-кому до старости далеко. Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре. Почти двадцать пять.

– Выглядишь на двенадцать. – В ее устах это не походило на комплимент. – Я всегда выглядела моложе своих лет. А потом вдруг перестала. Этот дом я купила в твоём возрасте. Он стоил тогда дороже всех в округе. Я забыла, как тебя зовут.

– Извините, я не представилась. Элис Уитли.

– Хмм... Элис. Уитли. Ты не похожа на Элис. Скорее на Пенни.

Она произнесла это как «Пинни».

– Почему Пенни? – спросила я.

– Не знаю. Терпеть не могу пенни. В детстве мы зарывали их в землю, и они зеленели, а если положить монетку в рот, у нее ужасно противный вкус. Фу, гадость. До сих пор не могу забыть. Элис, Элис, Элис. Постараюсь не забыть. Я

плохо запоминаю имена.

– Если хотите, могу написать «Элис» перманентным маркером у себя на лбу, – предложила я.

Она испустила короткий безрадостный смешок.

– Тебе надо познакомиться с Фрэнком. Думаю, ты ему понравишься. Он любит девушек со светлыми волосами. Даже некрасивых.

Грубо, зато честно. Я не красивая. Зато организованная и старательная. Почти никогда не жалею. С шестнадцати лет работаю на паршивых работах, которые научили меня, что безделье – удел неудачников и что не стоит обижаться на оскорбления людей, которым ты подаешь пончики. У меня очень красивые волосы. Густые, светлые и блестящие по всей длине, до самой талии. Двух моих прадедушек звали Вард и Торссон, так что сами понимаете. Тем не менее открою вам секрет. Такие красивые волосы – обуза. Я всегда боюсь, что люди, увидевшие меня со спины, жестоко разочаруются, когда я повернусь к ним лицом. И все же я не такая дура, чтобы избавиться от лучшего, что во мне есть.

Фрэнк поднял с земли зеленый персик с бархатистой кожей, провел им по щеке и стал перебрасывать из руки в руку, а когда наскучило, зашвырнул несчастный фрукт на крышу и проследил взглядом за траекторией, точно сожалея, что не может последовать за ним. После этого он покружился на месте, подняв лицо к небу, и прогулочным шагом направился к дорожке. Там он встал на скейтборд и подкатил к

крыльцу, расставив руки для равновесия. С неуклюжей грацией спрыгнув с доски, он танцующей походкой прошел по гостинной, не обращая на нас никакого внимания.

– Что ты делал возле машины? – спросила у него мать.

– А, ты имеешь в виду почтовую карету? Я ее грабил. Поэтому и назвал тебя «ма». Для исторической достоверности. Во времена почтовых дилижансов люди называли своих мам именно так.

– Я бы попросила тебя не называть меня «ма». Мне кажется, это слово больше подходит беззубой старухе.

Фрэнк хотел прошмыгнуть мимо матери, но та поймала его за плечо и развернула ко мне.

– погоди, ковбой. Ты ничего не заметил?

– Дверь снова работает.

– А девушка?

– Эта?

Он ткнул пальцем в мою сторону, глядя куда-то мимо меня. Может, у него плохое зрение?

– Кто она такая?

– Кто-кто. Пенни.

– Элис, – сказала я. – Меня зовут Элис.

– Что еще за Элис? – спросил Фрэнк, посмотрев на рояль.

Возможно, он подумал, что Элис – невидимая сущность, которая приводит в движение клавиши инструмента.

– Элис – это я, – представилась я.

– Что она здесь делает?

– Все, на что у меня теперь не будет времени, – пояснила М. М. Бэннинг.

– Домработница? Великолепно! В наше время так сложно найти хорошую прислугу.

Фрэнк взмахнул грязными манжетами, и я заметила в них серебряные запонки в виде масок Комедии и Трагедии. Он протянул руку ладонью вверх, точно собирался взять мою руку и поцеловать.

– Фрэнк, посмотри на свои руки. Иди вымой их с мылом. И вычисти грязь из-под ногтей. Как только закончишь, возвращайся сюда. Что я тебе сказала?

– Фрэнк, посмотри на свои руки. Иди вымой их с мылом. И вычисти грязь из-под ногтей. Как только закончишь, возвращайся сюда. Что я тебе сказала? – слово в слово повторил Фрэнк и поспешно удалился.

– Ты не поверишь, сегодня утром он принимал ванну, – сказала М. М. Бэннинг.

– Дети есть дети, – пожала плечами я.

– Этот малолетний Ноэл Кауард никогда не был ребенком. Подожди, он еще начнет рассказывать тебе анекдоты. С участием Франклина Делано Рузвельта.

– Не может быть!

– Еще как может. Однажды я повезла Фрэнка и его одноклассника в Диснейленд. Когда мы проезжали через неблагополучный район, мальчик увидел на улице мужчину, похожего на торговца наркотиками, и сказал: «Смотрите, ганг-

стер». «Где? – спросил Фрэнк. – Это Джимми Кэгни?» В то время он сходил с ума по «Белому калению». Очень долго любимым развлечением Фрэнка было подкрасться ко мне и закричать: «Я на вершине мира, ма!»

Увидев, что мне это ни о чем не говорит, она добавила:

– Эти слова произносит герой Джимми Кэгни, которого полицейские загнали на цистерну с бензином за секунду до взрыва. Фрэнк два года носился с «Белым калением». Я очень обрадовалась, когда он переключился на «Бродвейскую мелодию сороковых». С Фредом Астером и Элино́р Пауэлл. Потом он увлекся картиной «Мой слуга Годфри» с Уильямом Пауэллом, которого считает братом Элино́р Пауэлл. После этого он начал говорить с акцентом Парк-авеню.

– Дети из частной школы, где я преподавала, жили на Парк-авеню, а разговаривали как наркоторговцы из Бед-Стай, – сказала я.

– Хочешь сказать, что мне повезло? Куда запропастился Фрэнк? Пойду посмотрю.

Она ушла, оставив меня наедине с собственными размышлениями. Я обрадовалась передышке. К тому времени рояль исчерпал запасы регтаймов и перешел к «Голубой рапсодии». Я села на банкетку, замороженно следя за невидимыми пальцами, бегающими по клавиатуре, и не заметила, как ко мне подкрался Фрэнк, благоухающий мылом и тоником для волос. В последний раз я сталкивалась с похожей ком-

бинацией ароматов в детстве, навещающая своего дедушку.

Лицо мальчика сияло чистотой, он переоделся в домашний жакет свободного покроя и фланелевые пижамные штаны с ракетами и даже не забыл повязать галстук.

– Мой учитель музыки в отпуске, – сказал он, адресуясь к моему левому локтю.

– Понятно, – сказала я. – Интересно было играть во дворе, Фрэнк?

– Я люблю играть один. Ты заметила, что рояль тоже играет сам? В этом нет ничего плохого.

– Наверное, инструмент, который может играть без участия человека, стоит дороже, – предположила я и добавила: – Садись.

Фрэнк сел так близко ко мне, что между нами не поместилась бы и зубная нить. Я отодвинулась, чтобы освободить ему больше места, однако он подвинулся вслед за мной.

– Красивая музыка, – прервав неловкую паузу, сказала я.

– Одна из моих любимых композиций.

– А ты играешь на фортепиано?

– Да. Конечно, не так хорошо, как он.

– Кто, твой учитель?

– Нет, Гершвин. Эта компьютерная программа основана на записях, сделанных с помощью фортепианного валика. Гершвин сделал десятки таких записей, хотя по-настоящему записывался очень мало.

– Откуда ты знаешь?

– Я много чего знаю. Разумеется, я имею в виду Джорджа Гершвина, не Айру. Айра – его старший брат, родившийся в тысяча восемьсот девяносто шестом году. Джордж родился в тысяча восемьсот девяносто восьмом. Айра – поэт-песенник, это означает, что он писал слова. А Джордж сочинял музыку. Друзья считали Джорджа ипохондриком, пока он не скончался от опухоли мозга – здесь, в Лос-Анджелесе, в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. Это произошло в здании бывшей больницы Седарс-Синай, им сейчас владеют сайентологи, которые считают себя более развитыми гуманоидами с другой планеты, чье призвание – спасти человечество от самого себя. Айра прожил до тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. А ты знакома с Фредом Астером?

– Я из Омахи.

У Фрэнка перехватило дыхание.

– Фред тоже из Омахи.

– Знаю, поэтому и сказала.

– Когда я был младше, я думал, что Фред из Англии, а потом мне мама объяснила, что киноактеров специально учат так говорить. Фред написал в мемуарах, что последними словами Джорджа Гершвина было его имя, Фред Астер. Как у Чарльза Фостера Кейна в «Гражданине Кейне» «розовый бутон». Я очень люблю кино. В отличие от математики.

У Фрэнка была необычная манера говорить: он точно читал с телесуфлера. Он взял меня под руку и одарил сияющей, доверчивой детской улыбкой, способной растопить сердце

даже самого заядлого циника в рекламе «Хэлмарк», заставив поверить, что поздравительная открытка может спасти мир, возрождая семейные ценности.

Фрэнк уткнулся лицом в мое плечо, и мы посидели еще немного, держась за руки, прежде чем я заговорила вновь.

– Виртуозная игра, – сказала я, когда призрачные пальцы прошлись по всей клавиатуре в чечетке, достойной Фреда Астера.

После этого мне пришла в голову идея отобрать у Гершвина хотя бы малую часть лавров. Я высвободила руку и вознесла пальцы над клавиатурой.

– Нет! – закричала из коридора М. М. Бэннинг.

Я чудом успела отдернуть руки, прежде чем Фрэнк обрушил на них лакированную крышку рояля. Женщина схватила мальчика и повалила на диван, прижав его руки к бокам.

– Вот ты и попался, проказник, – сказала она.

– Она хотела дотронуться до моего рояля, – пожаловался Фрэнк. – Мы практически не знакомы.

– Она пока не знает правил, сынок.

– Мы ведь с тобой уже познакомились, Фрэнк, разве нет? – оторопело произнесла я, начиная потихоньку приходить в себя. – Я из Омахи, как Фред. Ты знаешь, что меня зовут Элис. Я еще не сказала тебе свое полное имя. Элис Уитли.

Я протянула ему дрожащую руку, еще раз порадовавшись, что мои пальцы остались целы.

– Надеюсь, ты посвятишь меня в свои правила?

Фрэнк отвернулся и спрятал лицо на материнской груди.

– Кто это, мама?

– Ее зовут Пенни.

– Меня зовут Элис, – возразила я.

– А когда она уйдет?

– Как только твоя мама напишет книгу, я сразу же уеду, – пообещала я. – Честное слово.

– А сколько нужно времени, чтобы написать книгу? – спросил он у матери.

Я как раз тоже об этом задумалась.

– Прочесть книгу – совсем недолго, – добавил мальчик.

М. М. Бэннинг впервые за все время поймала мой взгляд.

– Если хочешь принести нам хоть какую-то пользу, – сказала она, – запомни две вещи. Правило первое: не прикасаться к вещам Фрэнка. Правило второе: не прикасаться к Фрэнку.

– Не прикасаться к Фрэнку? Да он сам минуту назад держал меня за руку.

– Он может взять тебя за руку, а ты его – нет, – пояснила она.

– А как вы переходите дорогу? – спросила я, испытывая жуткую неловкость, точно рассказываю бородатый анекдот о панке с цыпленком на щеке.

– Естественно, я держу Фрэнка за руку. Я его мама, мне не нужно спрашивать.

Она произнесла это с удивительной нежностью. Я увидела в ней Мими, которой так восхищался мистер Варгас.

Он был прав. Я взяла себя в руки.

– Значит, ты любишь Джимми Кэгни, Фрэнк? – спросила я и не получила ответа. – «Белое каление»?

Фрэнк искоса посмотрел на меня.

– Кэгни получил Оскара за «Янки Дудл Денди». Ему хорошо удавались гангстеры, хотя сам он не слишком любил эти роли. Он начинал с песен и танцев в водевилях и больше всего любил танцевать.

Фрэнк произнес слово «водевиль» на французский манер.

– Покажешь мне как-нибудь «Янки Дудл Денди»? – спросила я. – Никогда не видела.

– Ладно, – сказал он, вывернувшись от матери и вновь завладев моей рукой. – Ты будешь в восторге. Я видел картину много-много раз. Кстати, меня зовут Джулиан Фрэнсис Бэннинг. Можешь называть меня Фрэнк. С моей мамой ты уже знакома. Я иногда называю ее мамой, а еще мамочкой или мамулей. Разумеется, тебе это не подойдет. Мамин брат называл ее Мими, потому что в раннем детстве не мог выговорить Мэри Маргарет.

– Да, знаю, – сказала я. – Мистер Варгас тоже называет твою маму Мими.

– Это не значит, что ты можешь ее так называть.

– Ну что ты, ни в коем случае, – уверила его я, хотя с той минуты называла ее именно так. Мысленно.

– Район, где жили в двадцатые годы Глория Суонсон и Рудольф Валентино, называется Уитли Хайтс, – заметил Фрэнк. – Ты с ним как-то связана?

– Думаю, нет. К сожалению. И прости меня, пожалуйста, за фортепиано.

– Что надо сказать, Фрэнк? – вмешалась Мими.

– Это твой настоящий цвет волос? – спросил он.

3

– Как ты думаешь, – спросил мистер Варгас, прощаясь со мной в аэропорту Ньюарк, когда я улетала в Калифорнию, – откуда у нее взялся ребенок? Может, он приемный? Мими ведь избавилась от этого безмозглого недоразумения из Малибу, за которое я просил ее не выходить, сто лет назад.

Мы с боссом нечасто разговаривали на подобные темы.

– Не знаю, – сказала я. – Как-нибудь при случае у нее спрошу.

На его лице отразился такой ужас, что мне пришлось сказать:

– Я пошутила, мистер Варгас.

– Понял. Извини, Гений. У меня пропало чувство юмора.

Он дал мне это прозвище, когда мы познакомились поближе и стали друзьями. Мистер Варгас пошарил в карманах, точно искал потерянное чувство юмора.

– Ох, чуть не забыл. Это тебе.

Он протянул мне небольшой сверток.

– Что это? – спросила я.

– Так, пустячок. Откроешь, когда сядешь в самолет. Пока, Элис. Береги себя. И Мими. Записывай все ходы.

Я не успела спросить, что имеет в виду мистер Варгас: он неловко обнял меня, как мог сделать любящий отец, отправляя дочку в колледж, если бы он у меня когда-нибудь был.

– Вперед, «Кукурузники»! – сказал он и ушел, ни разу не оглянувшись.

Я знаю, потому что смотрела ему вслед, пока мистер Варгас не затерялся в толпе.

Раскрыв пакет, я обнаружила надувную дорожную подушечку с эмблемой своей альма-матер, Университета Небраски. Мне платили там полную стипендию по специальности бухгалтерский учет, а дополнительно я изучала студийное искусство. Я получила образование не хуже, чем в Гарварде, хотя в Нью-Йорке мою точку зрения никто не разделял. Кроме мистера Варгаса, окончившего Государственный университет Нью-Йорка в Нью-Палц в тысяча девятьсот шестидесятом году.

В компьютерном магазине, где мы познакомились, я увидела в нем родственную душу, когда он сказал:

– Ты всегда можешь узнать выпускника Гарварда, вот только зачем?

Вперед, «Кукурузники»! Милый, милый мистер Варгас! Он знал, как называется наша университетская команда, хо-

тя никогда не смотрел футбол. Я тоже не увлекаюсь футболом.

Впервые в жизни мне удалось уснуть в самолете. Просто до того вечера я ни разу не летала на самолете.

Когда Мими показала мне комнату, я облачилась в пижаму и залезла в постель, прихватив ноутбук, чтобы написать мистеру Варгасу.

«У ее сына большие карие глаза и рыжие волосы, так что вряд ли она его усыновила. Фрэнк потрясающе красивый ребенок, но...»

Что «но»? Обдумывая следующее предложение, я обвела глазами комнату. Она оказалась лучше, чем можно было ожидать после неустроенной гостиной. Светло-бежевые стены, толстый бежевый ковер, пушистое светлое покрывало на двуспальной кровати, белый письменный стол, большой встроенный шкаф, минималистичный туалетный столик.

Единственный яркий штрих – небольшой двухместный диванчик напротив окна со светлыми занавесками в пол – с обивкой столь насыщенного красного цвета, точно помада на губах женщины, уверенной в своей неотразимости и сознательно отказавшейся от остального макияжа. В комнате не было ни фотографий в рамках, ни книг. Она напоминала скорее гостиничный номер – не слишком уютный, хотя вполне комфортный. И еще меня удивила тишина. Не только в доме, но и за окном. Что это за город, который не шумит

по ночам? Даже в Омахе больше жизни, чем здесь.

Меня вывел из размышлений какой-то стук в коридоре, негромкие голоса и звуки рояля. Я слезла с кровати, подкралась к двери и прислушалась. Говорил в основном Фрэнк, и лишь время от времени его перебивала Мими. Я не разбирала слов – по тону было понятно, что она уговаривает сынишку лечь в постель.

Хотелось спать, ноги замерзли, и я вернулась в кровать. Стерла последнее предложение, нажала «отправить» и закрыла глаза. Что еще написать? «У него грязь под ногтями», «Он случайно пробрался в наш век сквозь червоточину в пространственно-временном континууме», «Я боюсь, что он порежет меня на кусочки, пока я сплю»?

Последняя мысль основывалась на том, что сказала Мими, перед тем как пожелать мне спокойной ночи.

– Если проголодаешься, можешь брать все, что найдешь на кухне. Тарелки в шкафчике над раковиной, столовые приборы в выдвижном ящике рядом. Если надо что-то порезать, в соседнем ящике большие острые ножи. Только не открывай, пожалуйста, входную дверь и окна. Перед сном я ставлю сигнализацию, а отключаю только утром.

А я так мечтала открыть окно и подышать свежим ночным воздухом! Здесь пахло совсем не так, как дома: исключительно верхние ноты – жасмин, океанский бриз и апельсиновый цвет, ни одной нижней – ни тебе мусора, ни кошачьей мочи.

– В вашем районе высокий уровень преступности? – спросила я.

– Нет, это из-за Фрэнка. Он ходит во сне. То есть не во сне, как лунатики, просто любит бродить по ночам.

Господи боже! Замок Синей Бороды, да и только! Как можно уснуть, когда по коридору, размахивая бейсбольной битой, а то и большим острым ножом, позаимствованным из кухонного ящика, бродит этот странный мальчик? В детстве я пересмотрела ужастиков. Когда я подросла, мама частенько оставляла меня на попечение телевизора, а сама печатала юридические документы, потому что за ночные смены платили больше, чем за дневные. Когда я наконец призналась ей, почему не могу уснуть, она сказала:

– Ты слишком умная, чтобы верить в такую чушь, Элис! Научись о себе заботиться, и тогда тебя не будут пугать всякие глупости, вроде зомби и сбежавших психопатов.

Я подумала об уроках карате. Вместо этого мама купила мне коробку с инструментами и электродрель и показала, как чинить электропровода и укреплять расшатавшиеся дверные ручки. Научила внимательно рассматривать сложенные вещи, чтобы понять, как их отремонтировать, и складывать отвертки с шурупами в банки от детского питания, чтобы всегда были под рукой. Показала, как сводить баланс чековой книжки и заполнять налоговые квитанции. Затем она переключила наш старенький телевизор на кулинарный канал, спрятала пульт в карман, протянула мне потре-

панную кулинарную книгу «Основы классической итальянской кухни» и ушла на работу. С тех пор я стала семейным поваром, домашним мастером и бухгалтером. Закончив домашние дела, я легла в постель и моментально засыпала, слишком усталая для чего-то еще.

В ту первую бессонную ночь в Калифорнии я разобрала чемодан. Почистила зубы щеткой и зубной нитью. Составила список блюд, которые буду готовить для Мими и Фрэнка в первую неделю, и необходимых для этого продуктов. Подпилила ногти. Прочла несколько глав книги. Нарисовала Фрэнка на первой странице блокнота с единорогом, под надписью «Кто такой Фрэнк?» Я по-прежнему не понимала, кто он. На рисунке Фрэнк выглядел малолетним Чарли Чаплином, которому не хватает только котелка, смешных туфель и тросточки.

Прошла целая вечность, прежде чем голоса затихли, а дверь щелкнула. Тогда я заперла свою и спрятала блокнот вместе с телефоном под подушку.

До той ночи мне доводилось спать только на диванах, раскладушках или сдвоенных кроватях, и я проснулась в три часа ночи, сбитая с толку безбрежностью матраса. Сон не приходил. Я подошла к окну и открыла шторы. В микроскопической квартирке в хипстерском Бушвике мое окно выходило на вентиляционную шахту. Закопченная кирпичная башня стояла так близко, что я могла дотянуться до нее рукой,

если бы хватило глупости.

Теперь передо мной раскинулся безмятежный Лос-Анджелес, переливающийся разноцветными неоновыми вывесками, мерцающий красными черточками автомобильных фар. Люди, сидящие в этих машинах, возвращаются домой из всяких удивительных мест, которые стоят того, чтобы не спать в три часа ночи.

Я долго сидела на диванчике, глядя в окно, точно бруклинские старухи-эмигрантки в черных платках с жилистыми руками и волосатыми родинками. Они кладут на подоконник подушки и сидят там целый день, впитывая жизнь, текущую по тротуарам нового для них мира. С такой высоты незнание языка не имеет значения. Струящиеся по тротуарам потоки людей – интереснее, чем любая программа по телевидению. Даже по кабельному. За исключением разве что армянского канала.

Это напомнило мне о телевизоре. Интересно, в моем номере он есть? Я встала и проверила шкафы. Пусто. Пришлось вернуться в постель и найти в телефоне «Бродвейскую мелодию сороковых». Искрометный артистизм Фреда Астера плохо сочетался с микроскопическим размером экрана.

Я вспомнила об этом позже, когда Фрэнк решил показать мне «Бульвар Сансет», где Глория Суонсон из Уитли Хайтс сыграла увядающую звезду немого кино Норму Десмонд.

«Я все еще великая актриса, – говорила она. – Это кино измельчало».

В шесть утра, открыв дверь спальни, я чуть не взвизгнула от неожиданности. На полу под дверью со скучающим видом сидел Фрэнк.

– Извини, я тебя разбудил? – спросил он, смущенно разглядывая свои руки.

– Нет, просто не ожидала. Думала, все еще спят. Я еще не перестроилась на западное время. Ты давно встал?

– Около часа.

– А где мама?

– Спит. Твоя дверь была заперта.

– Ты пробовал войти в мою спальню?

– Я постучал. Ты не ответила. Я волновался.

– Почему?

– Здесь водятся крупные еноты, которым ничего не стоит вскарабкаться по десятифутовой стене. Они прожорливы, и среди них встречаются бешеные. А еще у нас есть койоты. Опасные для домашних животных и миниатюрных людей.

– Я со Среднего Запада, – заявила я. – Там у нас миниатюрные люди не водятся.

– Кстати, о людях, – вспомнил он. – Фанатики. Один из них перелез через стену и хотел напасть на маму, еще до моего рождения. Поэтому над стеной натянули колючую проволоку.

– Какие еще фанатики? Ты имеешь в виду фанатов?

– Фанат – сокращение от фанатика, – заявил Фрэнк. –

Чрезмерно навязчивый последователь человека или вещи. У мамы миллионы фанатиков. А может, и миллиарды. Она говорит, что не любит водить машину, потому что фанатики набрасываются на нее, стоит только выехать со двора. Сейчас их уже поменьше, но, похоже, ее это не слишком успокаивает.

– Думаю, поклонники твоей мамы не хотят причинить ей вреда, – сказала я. – А всего лишь поговорить или попросить автограф.

По-моему, мои слова его тоже не особенно успокоили. На затылке у Фрэнка болталось соломенное канотье, и расчесанные на прямой пробор волосы падали в стороны, образуя фигурную скобку над озабоченно нахмуренным лбом. Впоследствии я поняла, что он позаимствовал это выражение у Джимми Стюарта из картины «Эта замечательная жизнь». На этот раз у него в манжетах красовались запонки в виде листиков клевера, зеленые с серебром. Из-под закатанных полотняных брюк в сине-белую полоску виднелись желто-голубые носки с ромбами. На шее висел незавязанный галстук-бабочка, синий в белый горох. У мальчика был такой вид, точно он всю ночь бодрствовал: не то охранял территорию с желтой бейсбольной битой, не то распевал песни на заднем сиденье трамвая с Джуди Гарленд.

– Очевидно, я спала, – сказала я. – Понимаю твое беспокойство, Фрэнк, только, пожалуйста, никогда не заходи в мою комнату без приглашения. Понял?

В частной школе, где я преподавала математику третьеклассникам – меня повысили в должности из детского садика, когда моя хорошенькая предшественница сбежала с папашей своего ученика, – я нередко удивлялась, что многие дети не знают слова «нет». Одна девочка могла во время урока подойти к учительскому столу и залезть в мою сумочку в поисках пастилок от кашля. Эти восьмилетние детишки списывали у своих одноклассников с такой наглостью, что я теряла дар речи. Я запросто могла представить кое-кого из них в тюрьме. В образцовой чистенькой тюрьме для белых воротничков, где, преодолев удивление, что их не только поймали, а еще и наказали за мошенничество с акциями или неуплату налогов, они с пользой потратят время тюремного заключения, совершенствуя навыки игры в ракетбол и налаживая связи.

Я ничуть не удивилась, узнав, что внук финансового консультанта, облапошившего Мими, учился в той самой школе. Я хочу сказать, что детишкам нужно устанавливать границы, иначе добра не жди.

– Да, мэм, – сказал Фрэнк.

Он сел прямо и с неожиданным проворством завязал бабочку. Поскольку глаза мальчика находились значительно ниже моего лица, ему пришлось удовлетвориться разглядыванием моих коленей. Он вновь посмотрел на свои руки и, подняв на секунду глаза, закончил предложение моим именем. Лишь тогда я заметила, что на его левом запястье напи-

сано «Елис». Проследив за моим взглядом, Фрэнк поспешно сунул руку в карман.

– Как семейный архивариус, я принес альбом с фотографиями, – сказал он. – Думаю, тебе будет интересно.

Лишь тогда я обратила внимание на прислоненный к стене старомодный альбом в кожаном переплете, из тех, что весят не меньше двадцати фунтов.

– Я люблю рассматривать семейные фотографии, – сказала я. – Как ты догадался?

– У меня сверхъестественная интуиция, не отягощенная редакторским рефлексом, – сказал он. – Доктор Абрамс объяснила это моей маме, когда я прижал ухо к двери, чтобы послушать, о чем они так долго беседуют. Мама ответила, что у них это называлось отсутствием чувства такта. Ты не знаешь, почему она так сказала? Я знаю, что такое такт. Это единица музыкального метра, начинающаяся с сильной доли и заканчивающаяся перед следующей, равной ей по силе. Когда я спросил, при чем здесь чувства, она лишь вздохнула. Ты можешь объяснить?

– Попробую, – сказала я. – Ты говоришь о музыкальном определении такта, а твоя мама...

Не успела я сообразить, как дипломатично объяснить ему, что имела в виду Мими, как он сказал:

– А, понял. Это слово имеет несколько значений. Так будешь смотреть фотографии или нет?

– С удовольствием, – сказала я, обрадовавшись, что не на-

до продолжать щекотливую тему.

– Тогда присаживайся.

Фрэнк хлопнул рукой по полу. Я села рядышком. Он положил альбом на колени. На первой странице красовалась вырезка из газеты с фотографией: красивая девушка в купальнике и короне целует Элвиса Пресли.

– Любишь Элвиса? – спросила я.

– Я с ним почти не знаком, – пожал плечами Фрэнк, – знаю только, что его звали Аарон и его брат-близнец Джесси Гарон умер вскоре после рождения, а до того как записать свой первый сингл под названием «Все в порядке», Элвис работал водителем грузовика в электрической компании в Мемфисе.

Он ткнул пальцем в девушку на фото.

– Зато я знаю кое-что об этой леди. Это мамина мама.

– Твоя бабушка?

– Именно.

Я наклонилась ближе и прочла заголовок.

«Королева Речного карнавала, студентка Университета Миссисипи Мари Эллен Бэннинг приветствует Элвиса».

Бэннинг. Я не могла понять, что меня больше удивляет: что мать Мими была королевой красоты или что та взяла для псевдонима ее фамилию.

Бабушка Фрэнка не имела ничего общего с его матерью, зато Фрэнк взял от нее многое.

– Ты часто с ней видишься? – спросила я.

– Только во сне. Она погибла в автокатастрофе, когда мама была довольно юной. Не совсем ребенком, но моложе тебя.

– Какой ужас, – сказала я.

У меня чуть не вырвалось, что я не могу себе этого представить, хотя я очень даже могла.

– А кстати, как ты думаешь, сколько мне лет? – спросила я.

– Не знаю. Ты достаточно взрослая, чтобы не делать глупостей?

– Точно, – засмеялась я.

– Значит, двадцать пять, – сказал Фрэнк.

– Почти угадал. Двадцать четыре. Как тебе удалось?

– Доктор Абрамс говорит, что в этом возрасте прекращает развиваться префронтальная кора – область мозга, которая контролирует импульсивное поведение. Согласно ее прогнозу, к двадцати пяти годам я стану достаточно взрослым, чтобы не делать глупостей. Если повезет. Это может случиться позже, когда мне исполнится тридцать. Или вообще никогда. У некоторых людей префронтальная кора созревает раньше, чем у других. Обычно у женщин. Например, Дебби Рейнольдс снялась в «Поющих под дождем» подростком.

Фрэнк остановился на странице с изображением красивой серой лошади.

– Смотри, это Зефир. Он принадлежал дяде Джулиану. Моя бабушка говорила, что, пока она жива, ни за что не

позволит Джулиану водить автомобиль. Она купила Зефира, чтобы Джулиан мог ездить куда захочет. Хотел бы я иметь лошадь! Кони жили на североамериканском континенте до последнего ледникового периода. Испанские конкистадоры вновь привезли этих животных в Америку, и аборигены очень радовались, пока не столкнулись с отрицательной стороной лошадей.

– А какова отрицательная сторона лошадей?

– Испанские конкистадоры.

– Смешно, – улыбнулась я.

– Что смешного?

– То, что ты сейчас сказал.

– Почему?

– Я думала, ты скажешь что-нибудь о лошадях. Не ожидала конкистадоров.

– Вот и коренные американцы не ожидали.

– Да уж, – сказала я. – А хочешь услышать анекдот про лошадь, который рассказал мне мой босс в Нью-Йорке?

– Да.

– Заходит лошадь в бар, а бармен говорит: «Эй, подруга, чего голову повесила?»

– И что? – не понял Фрэнк.

– Ну, у лошадей же всегда голова вниз.

Я изобразила руками длинную лошадиную морду, которая заканчивалась где-то на уровне моего пупка.

– Понял?

– Нет, – грустно сказал Фрэнк. – Если бы у меня был конь, я бы назвал его Тони.

Пошутила, называется.

– Почему Тони? – вежливо спросила я.

– Так звали коня, принадлежавшего знаменитому ковбою Тому Миксу. Тони удостоился чести оставить отпечатки копыт перед Китайским театром Манна. Мои бабушка с дедушкой огородили двор и сделали из гаража конюшню для коня дяди Джулиана. А потом бабушка врезалась в забор на машине. Она ехала слишком быстро и не пристегнулась, поэтому вылетела через ветровое стекло и погибла. А Зефир убежал через пролом в изгороди. Его нашли на следующий день на другом конце города. Он стоял на клумбе с пионами в чьем-то саду.

Фрэнк перевернул страницу.

– Так и вижу его спящим среди пионов во фланелевом ночном колпаке. Ты знала, что лошади спят стоя? А это дядя Джулиан.

Он указал на фотографию молодого человека в вышитых джинсах и ожерелье с крупными бусинами, без рубашки, с сигаретой за ухом, сидящего на заборе – наверное, том самом. Через плечо у юноши висела тисненая кожаная сумка. У него была мускулистая грудь и длинные светлые волосы с бакенбардами, которые вошли в моду у хиппи после Лета любви. Поразительно красивое лицо юноши очень сильно напоминало бабушку Фрэнка – ту, что целовала Элвиса.

– Ух ты, – сказала я, – какой красивый парень.

– Был. Он тоже умер.

– А с ним что случилось?

– Выпал из окна, когда навещал мою маму в колледже.

– О господи, как?

– Не знаю, – передернул плечами Фрэнк. – Его выгнали из колледжа за плохие оценки. Наверное, Джулиан очень сильно задумался о том, что скажет своей маме, и не заметил, как окончился пол. Помнишь, как Хитрый койот упал в пропасть, не заметив, где кончается скала? Хочешь посмотреть фотографию отца моей мамы? Он, кстати, тоже умер.

Фрэнк показал мне фото представительного молодого мужчины в военной форме.

– Дедушка был врачом, его тоже звали Фрэнк. Это сокращение от Фрэнсис. Мама назвала меня в честь дедушки и дяди, потому что ей трудно придумывать имена. Доктор Фрэнк ушел добровольцем на Первую мировую войну, которую называли Великой. В то время ведь никто не знал, что будет вторая. Хотя, учитывая огромные репарации, взвалившие на Германию непосильную финансовую ношу после поражения в первой, мировое сообщество могло бы и догадаться.

– А что случилось с доктором Фрэнком?

– Кровоизлияние в мозг. Говоря простым языком, у него взорвались мозги. Вся мамина семья умерла за короткое время, с разницей около года, только отец ее прожил дольше остальных. Он родился в тысяча восемьсот девяносто чет-

вертом, а умер в тысяча девятьсот семьдесят шестом. Первым пришел, последним ушел.

– Ничего себе, – сказала я. – Если бы он дожил до сегодняшнего дня, ему бы сейчас было сто пятнадцать лет.

– Вероятно, он рад, что не дожил, хотя мне его очень не хватает. Думаю, у нас много общего.

Фрэнк пролистнул еще несколько страниц с черно-белыми фотографиями: мать Мими в раздельном купальнике, похожем на пуленепробиваемое белье, в косынке и с ярко-красной помадой, превратившейся на снимке в черную. Доктор Фрэнк улыбается жене, накидывая ей на плечи смокинг – это их свадьба. Невеста смотрит прямо в камеру и радостно улыбается. Еще одна пожелтевшая газетная вырезка, на сей раз без фото.

«Мари Эллен Бэннинг сочетается браком с Джулианом Фрэнсисом Гиллесли.

Под тончайшей старинной вуалью...»

Дальше я прочесть не успела: Фрэнк перевернул страницу. На следующем снимке маленькие Джулиан и Мими с испачканными шоколадом мордашками, держась за руки, смеются над разоренным тортом со свечками. Еще на одном, стилизованном под рождественскую открытку, они постарше, сидят спиной к спине верхом на лошади: Мими лицом к голове, а Джулиан – задом наперед, все трое в красных колпаках. Через открытку идет надпись: «У нас головы идут кругом на Рождество!»

Цветные фотографии слегка поменяли оттенки. Моментальный снимок Джулиана в бейсбольной форме, стоящего на питчерской горке. Лицо и волосы выцвели до бледно-зеленого цвета. Он же на выпускном вечере – в небесно-голубом смокинге, лицо и волосы пожелтели от времени, галстук завязан вокруг головы на манер летчика-камикадзе, а рука обнимает пустое место, где должна стоять девушка. Мими – похоже, на своем собственном выпускном, в блестящем черном платье и академической шапочке, очень серьезная.

Фрэнк закрыл альбом и положил рядом с собой.

– Конец, – сказал он. – Все, кто есть в этом альбоме, умерли, не считая мамы.

– Понятно, – ответила я и сменила тему: – Есть хочешь?

На самом деле я думала об отце Фрэнка. Ни одной фотографии. Его здесь нет, потому что он еще жив?

Очевидно, доктор Абрамс не ошибалась по поводу сверхъестественной интуиции.

– У мамы где-то есть фотографии моего папы, только она говорит, что он не принадлежит к нашей семье, поэтому его нет в альбоме.

– Потому что он... не... – Я запнулась, не зная, как закончить мысль.

– Ты хотела сказать «не умер»? – пришел на выручку Фрэнк. – Возможно. Я никогда его не видел.

– А на фотографиях? – спросила я.

– На фотографиях видел. Только мы их прячем, потому

что мама огорчается. И вообще, у нас не принято о нем говорить.

Фрэнк засунул альбом под мышку.

– Я умею делать вафли. И никогда не проливаю тесто.

– Обожаю вафли, – отозвалась я.

Он помог мне подняться. Я уже знала Второе правило: мне можно взяться за руку Фрэнка, если инициатива исходит от него.

– Еще бы тебе их не любить! – сказал он. – Ты же не сумасшедшая.

– Откуда ты знаешь? – спросила я по дороге на кухню.

– Дети в школе говорят, что я сумасшедший, а ты совсем на меня не похожа. И вообще, просто знаю. Я знаю много интересного. Например, что Томас Джефферсон купил свою вафельницу во Франции.

– Везет тебе. Когда я хочу что-то узнать, мне приходится искать информацию, а ты просто напичкан всевозможными сведениями. Как тебе удастся столько всего запомнить, Фрэнк?

– Мама говорит, что из-за перегруженности информацией я не чувствую нюансов. Наша вафельница из Китая. Мы заказали ее через каталог «Вильямс Сонома». Они устроили распродажу для самых важных клиентов.

Он придвинул табурет к столешнице, влез на него и, поднявшись на цыпочки, дотянулся до коробки с вафельницей на самой верхней полке.

– Постой, – сказала я. – Давай я тебе помогу.

Дальше все произошло очень быстро.

– Нее-ее-еет! – завизжал Фрэнк и выпустил коробку.

Я закрыла лицо руками и присела. Вафельница с грохотом приземлилась где-то у меня за спиной. Я опустила руки и посмотрела через плечо, куда она упала. Когда я повернулась, Фрэнк лежал на линолеуме, как труп в морге, с закрытыми глазами и сжатыми кулаками. Соломенная шляпа медленно катилась ко мне, точно автомобильное колесо после аварии.

– Фрэнк, что с тобой? – испуганно спросила я.

В кухню вбежала Мими в ночной сорочке, с вмятиной от подушки на щеке и растрепанными косичками. Она подняла канотье, переступила через вафельницу и наклонилась над сыном.

– Он ударился головой?

– Кажется, нет. Я не поняла, что случилось. У него бывают припадки?

– Слава богу, нет. Вероятно, ты его чем-то огорчила.

– Я ничего такого не делала, – сказала я.

Фрэнк, не открывая глаз, разжал кулак и обличительно ткнул в меня указательным пальцем.

– Она хотела взять мою вафельницу.

– Я всего лишь предложила помочь, – возразила я.

– Я же говорила: не прикасаться к вещам Фрэнка.

Мими подняла мальчика, поставила на ноги и надела ему на голову шляпу.

– С тобой все хорошо, малыш?

– Когда-нибудь непременно будет, если верить доктору Абрамс, – сказал он.

Мими повернулась ко мне, и я замерла, как кролик под гипнотическим взглядом удава.

– У нас здесь не так много правил, Пенни, – сказала она. – Если ты не согласна им следовать, то лучше уходи.

– Элис, – сказала я. – Меня зовут Элис.

Но она уже была на середине коридора. Услышав, как хлопнула дверь кабинета, я прижала ледяные пальцы к пылающим щекам. «Не дай себя отпугнуть».

Фрэнк тем временем деловито вытащил вафельницу из коробки, снял пупырчатую упаковку и включил прибор в розетку, после чего подошел к холодильнику.

– Я люблю с шоколадной крошкой, – с бесстрастностью телефонного автоответчика сообщил он, взял с полки лоток яиц и немедленно уронил его на пол.

– Надо же, ни одно не разбилось, – сказал он, подняв картонку и рассмотрев содержимое. – Отлично. Сегодня прямо счастливый день.

4

«Мы практически не выходим из дома», – нацарапала я в блокноте с единорогом через десять дней после прибытия. Я сидела в прачечной, дожидаясь окончания сушки, чтобы вы-

тащить простыни, пока они не помялись, и спрятать между ними блокнот, который намеревалась отнести в свою комнату. Заодно я поглядывала на Фрэнка, который воевал с розмариновой живой изгородью, вооружившись пластмассовым мачете. Психиатр Фрэнка, доктор Абрамс, уехала из города на весь июль. Школа начнется только после Дня труда. Всю материальную и духовную пищу – продукты, канцтовары, одежду для Фрэнка – доставляли нам к воротам. Даже питьевую воду, хотя она свободно текла из всех кранов. Выходить было незачем, и мы сидели дома.

«Фрэнк – весьма своеобразный клиент, – писала я. – Что касается Мими, я ее практически не вижу. Она почти не выходит из кабинета».

Я с трудом удержалась от комментария «потому что ненавидит меня».

Мими запиралась в кабинете сразу после завтрака и не выходила до самого вечера. После ужина она читала Фрэнку, играла с ним в «Улику», его любимую настольную игру, или смотрела с сыном кино и разбиралась со счетами, время от времени недовольно ворча себе под нос. Обращаясь ко мне, она отводила глаза. По сути, это трудно было назвать полноценными разговорами: так, обмен информацией, да и то не часто.

После происшествия с вафельницей мои отношения с Фрэнком, можно сказать, наладились. Когда я извинилась за нарушение правил, он сказал:

– Ничего страшного, ты просто еще не усвоила урок. Что бы там ни говорили, я не верю, что неведение может быть благом.

После этого он тысячу раз объяснял мне сложную и запутанную систему правил от Фрэнка Бэннинга. Например, я могла безнаказанно стирать и складывать его одежду, а как только вещи постираны, поглажены и разложены по полочкам – руки прочь! Я имела право смахивать пыль со всех поверхностей в его комнате, только не дай бог прикоснуться к тому, что на них находится! Мне пришлось заново усвоить горький урок, когда я совершила непростительную ошибку, решив выставить правильное время на двух механических будильниках у него на столе и прикроватной тумбочке, которые надо заводить вручную. Эти агрегаты сводили меня с ума. Они громко тикали и никогда не показывали правильное время – ни в Лос-Анджелесе, ни где-либо еще. Фрэнк молча, не меняя выражения лица, наблюдал за моими действиями, а когда я закончила, швырнул их один за другим через всю комнату. После этого он начал биться головой о стол.

– Фрэнк, прекрати! – испуганно закричала я, но, к счастью, вспомнила, что к нему нельзя прикасаться – правило номер два, и просто положила руки на то место, по которому он стучал.

Наверное, биться головой о мои руки было не так интересно, как о твердое дерево, и мальчик перестал. На лбу оста-

лось красное пятно, и я могла только надеяться, что оно не превратится в синяк.

– Не трогать мои вещи, – как ни в чем не бывало сказал Фрэнк. – Правило номер один.

– Извини, пожалуйста, Фрэнк. Я виновата. Прошу тебя, не надо больше стучать головой по столу. Это невыносимо.

– Многие так считают, – отозвался Фрэнк. – В частности, мама. Она говорит, что дешевые приемы, с помощью которых я испытываю новые авторитеты, доведут меня до сотрясения мозга.

– Ты меня испытываешь?

– Так считает мама. А я просто пытаюсь спасти свою голову от взрыва.

С правилом номер два тоже возникали трудности. Я имела право напоминать Фрэнку, что надо жевать с закрытым ртом и пользоваться салфеткой, а вот попытку смахнуть без спросу кусочек яйца, все утро провисевший у него на подбородке, он нашел абсолютно неприемлемой. Инцидент с яйцом закончился падением на пол, во время которого Фрэнк умудрился прихватить с собой и меня, после чего последовала сцена с трупным окоченением.

Поначалу я заподозрила, что это малолетнее исчадье ада получило злорадное удовольствие, якобы случайно использовав меня в качестве подушки, чтобы смягчить падение. Однако в тот вечер Фрэнк удивил меня своеобразной попыткой извиниться: поставил на мою прикроватную тумбочку

стакан с гардениями, чтобы, как он пояснил, я могла наслаждаться их ароматом перед сном и утром, сразу после пробуждения.

Тогда я решила, что он просто добродушный, неуклюжий мальчик, скорее рассеянный, чем зловредный, который бродит по дому, не помня себя, не только ночью, но и днем. Я не усомнилась в добрых намерениях Фрэнка даже после того, как он взмахнул рукой, описывая траекторию движения аромата к моей подушке, и сбил с тумбочки стакан с цветами – через две секунды после доставки. Мне пришлось срочно перестилать постель, пока вода не впиталась в матрас.

К концу первой недели у нас выработался устойчивый распорядок. После завтрака я занималась уборкой, а Фрэнк выбирал гардероб. Следует отдать ему должное: мой подопечный мог забыть принять душ, умыться или почистить зубы, зато одеваться он умел. Я провела немало прекрасных минут, наблюдая за Фрэнком, который, подобно восхитительной бабочке, вылуплялся из куколки гардероба, расправляя свои дизайнерские крылья.

Правда, после этого следовали самые неприятные минуты, когда я переключала внимание на отвергнутые им наряды, в беспорядке валявшиеся по всей комнате. Заставить Фрэнка вернуть все вываленное из шкафа на полки и вешалки была та еще задача.

– Одеваться как джентльмен – еще не все, – сказала я ему. – Нужно и вести себя соответственно. Джентльмен ни-

когда не допустит, чтобы его помятая одежда валялась на полу.

– Можешь поднять, – не растерялся он.

– Ты прекрасно знаешь, что не могу. Правило номер один.

– Ну, пусть тогда мама.

– Мама тем более не может, она работает над книгой.

Если мальчик продолжал упираться, я прятала в карман пульт от единственного в доме телевизора и говорила:

– Я отказываюсь получать кинематографическое образование, пока ты не сложишь одежду.

Не веря, что неведение может быть благом, Фрэнк взялся учить меня тонкостям кинематографии. Угроза лишить его радости преподавания своего любимого предмета всегда помогала.

Естественно, он сопротивлялся. В один день он мог вести себя, как неукротенная Хелен Келлер до встречи с Энни Салливан в «Сотворившей чудо»: вырывал ящики комода и расшвыривал их содержимое или рвал на себе волосы и бился головой об стенку, в другой – как мальчик Махатма в «Ганди» – неподвижно лежал на полу, утратив всякую связь с окружающим миром. Если на меня все это не действовало, он рано или поздно сдавался. После выполнения задачи ему требовалось полежать, завернувшись в одеяло и бормоча что-то себе под нос. Постепенно он успокаивался, и мы могли двигаться дальше.

Я старалась сохранять хладнокровие, вспоминая свою

мать во времена, когда ей приходилось бороться с моими детскими бунтами. Это выматывало. Я не спала ночами, придумывая хитрые педагогические методы, которые помогли бы научить Фрэнка сдержанности, чтобы не применять к нему силу. Однажды, когда я уже засыпала, мне пришла в голову блестящая мысль. Фрэнк обожает кино. Надо посмотреть с ним фильмы о триумфе самообладания и обсудить их. Фрэнк умен. Он поймет намек.

– Я хочу посмотреть с тобой свои самые любимые фильмы, – сказала я, протягивая ему компакт-диски с «Сотворившей чудо» и «Ганди», как только их доставили.

– Я их не заказывал.

– Знаю. Я подумала, что тебе понравится.

Мальчик с сомнением посмотрел на меня.

– А там есть танцы?

Какие могут быть танцы в фильме о девочке-инвалиде или о тяжелом детстве индийского общественного и политического деятеля?

– Не помню, – слушавила я. – Может, и нет.

– Если не помнишь, значит, они неинтересные.

– У меня не такая хорошая память, как у тебя, Фрэнк.

Я описала сюжеты. Он слушал с серьезным выражением, устремив взгляд в точку между моими бровями, а когда я закончила, сказал:

– Нет уж, увольте.

Признаюсь честно: я сдалась. Мы посмотрели то, что хо-

тел Фрэнк. Обычно он выбирал всякие документальные вещи по типу «Как это делалось», объясняющие, что послужило поводом для фильма, какие актеры сыграли или не сыграли ту или иную роль и почему сыгранные ими персонажи сказали или не сказали то, что было у них на уме. И лишь после этого мы смотрели сам фильм.

Фрэнк не умолкал ни на минуту, мешая мне слушать диалоги пространными объяснениями, как актер может открыть дверь гостиной в одном месте и выйти на крыльцо, которое в реальной, не киношной жизни находится на другом конце земного шара. Как будто я не сидела вместе с ним, пересматривая документальную часть, он объяснял мне, почему та или иная марка автомобиля или герой оказались видны в углу кадра и какой это провал со стороны помощника режиссера, если актер держит что-то в руках в одном кадре, затем оно исчезает, а в следующем появляется вновь.

Порой он бочком подходил к экрану, копировал выражение лица актера и произносил следующую строку диалога синхронно с героем. С таким большим количеством дополнительных занятий во время наших киномарафонов я порой теряла сюжетную нить, Фрэнк – никогда. Несмотря на отсутствие интереса к повествованию, он знал фабулу в мельчайших подробностях. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем раскрывать повороты сюжета и истинные намерения персонажей.

Когда я пыталась объяснить, что раскрывать интригу счи-

тается дурным тоном даже среди кинокритиков, он не верил.

– Если можно заранее узнать, что случится, как можно этого не хотеть?

– Потому что это испортит сюрприз, – сказала я.

– Я не люблю сюрпризов.

– А другие любят. Во всяком случае, в кино. Так что молчи в тряпочку.

Мои нравоучения привели к тому, что во время просмотра картины «Бульвар Сансет» у Фрэнка сделался несчастный вид еще до появления на экране начальных титров. Едва он заговорил, я шикнула на него, после чего он встал и пошел к комоду. Я встревожилась.

– Что ты делаешь, Фрэнк?

– Ищу тряпочку. Иначе я расскажу тебе, что Глория Суонсон застрелила Уильяма Холдена еще до начала фильма, хотя, судя по возрасту, она давным-давно должна научиться не делать глупостей.

Высказавшись, Фрэнк как по мановению волшебной палочки расслабился. Перед этим у него разве что пена изо рта не шла, и вдруг – сама безмятежность. Думаю, именно тогда я поняла, как ему тяжело держать все свои знания при себе. В его гениальном мозгу хранилось столько информации, что если бы он не вытаскивал время от времени часть наружу, то у Фрэнка могла взорваться голова, точно как у его дедушки.

– Погоди, так Уильям Холден умер?

– Еще как! – подтвердил Фрэнк. – Меня и самого вначале смутил этот кинематографический прием, поскольку Уильям Холден – одновременно и труп, и рассказчик. Говоря о смерти Уильяма Холдена, я, разумеется, имею в виду Джо Гиллиса, которого он играет, а не самого актера.

– Естественно.

– Сам Холден скончался двенадцатого ноября тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Он упал и ударился головой о кофейный столик.

– Ясно.

– Можно продолжать?

– Да, пожалуйста.

– В сцене, когда Джо Гиллис впервые встречается с Нормой Десмонд, та принимает его за гробовщика, который пришел показать образцы гробов для ее горячо любимого умершего шимпанзе. Когда кинооператор спросил у режиссера Билли Уайлдера, как он видит сцену с шимпанзе, тот, согласно очевидцам, ответил: «Ничего особенного, самые обычные обезьяньи похороны». Некоторые знатоки фильма считают, что эта сцена предопределяет смерть Джо Гиллиса. Я не понимаю, как она может предопределять смерть Джо, если мы уже знаем, что он мертв. Ты можешь это объяснить?

– Понятия не имею, хоть обыщи.

– Зачем тебя обыскивать? Ты что, написала ответ на клочке бумаги и спрятала в карман? А может, это написано в блокноте, который ты постоянно носишь с собой?

– В каком блокноте? – неискренне удивилась я.

Неужели он заметил, что я пишу заметки для мистера Варгаса?

– В котором ты все время что-то пишешь. Розовый такой, с единорогом на обложке.

– Я сказала «хоть обыщи», чтобы ты понял, что у меня нет ответа на твой вопрос, – пояснила я.

Фрэнк приник ко мне и опустил голову на плечо.

– Ты костлявая, – сказал он, не убирая головы.

Я не имела права прикасаться к Фрэнку, а на него запрет не распространялся. Особенно ему нравилось уткнуться лицом мне под лопатку, как будто там было окно, к которому он хочет прижаться носом.

– Не позволяй ему так делать, – сказала Мими, увидев это в первый раз. – Он должен научиться уважать твое личное пространство.

На самом деле я не имела ничего против. Я знала, что Фрэнк отчаянно скучает по маме. Когда Мими находилась рядом, он ее почти не замечал и чаще говорил с самим собой, чем с кем бы то ни было. Тем не менее мальчик не понимал, почему книга, которая еще даже не написана, отнимает у него единственного родного человека. Если я теряла Фрэнка из виду в рабочие часы Мими, то знала, что он стоит у кабинета, приставив к двери стакан и прижав к нему ухо.

Однажды утром Фрэнк бросился на пол и стал биться головой о ковровое покрытие под дверью в кабинет. На мою просьбу прекратить он не отреагировал. Как и на вопрос, можно ли помочь ему подняться. Думаю, он меня даже не слышал. Я решила, что при сложившихся обстоятельствах молчание можно считать знаком согласия и надо что-то сделать, не то Мими выйдет из кабинета и обольет меня лучами презрения. Схватив мальчика за лодыжки, я отбуксировала его на кухню и махала перед носом плиткой шоколада, пока он не пришел в себя.

– Я знаю, чем мы займемся, – заявила я, когда Фрэнк вновь начал проявлять интерес к окружающему миру. – Мы тоже напишем книгу.

– Отличная мысль, – нечленораздельно произнес Фрэнк, предварительно набив рот шоколадом. – Тогда я смогу оценивать мамину книгу с точки зрения знатока, а не дилетанта.

– Гм... дилетанта? Знаешь, что мне в тебе больше всего нравится, Фрэнк?

– Мои галстуки?

– Нет. У тебя восхитительные галстуки, только мне больше нравится, что ты знаешь так много интересных слов. Можно, я вытру тебе лицо и руки влажным полотенцем? Ты весь в шоколаде.

Я очень надеялась на положительный ответ. Иначе он неминуемо превратил бы в салфетку мою футболку.

– Только если это совершенно необходимо.

Он крепко зажмурил глаза и скорчил гримасу отвращения, однако мужественно вытерпел экзекуцию.

– Я люблю читать словарь, в нем легко найти, где остановился. Кроме того, я надеюсь, что это увлечение поможет мне с грамматикой, хотя до сих пор этого не произошло.

– Ясно, – сказала я. – Как ты хочешь назвать книгу?

– Поскольку название «Третий словарь Уэбстера» уже занято, я назову свою книгу «Я буду ездить на работу в субмарине».

Я даже не удивилась. Будучи большим любителем замкнутых пространств, Фрэнк обожал забираться во всякие укромные места и прижиматься к предметам. Он часто залезал между подушками диванов в гостиной или играл сам с собой в «Улику», сидя в гардеробной, а на улице норовил спрятаться в автомобиль. Чтобы почитать книгу, мы забирались под кухонный стол, при этом Фрэнк влезал в спальный мешок, и мы представляли, что едем в купе пульмановского вагона.

Книгу мы писали на моем ноутбуке, сидя за кухонным столом, и закончили еще до ланча. В ней рассказывалось о приключениях Взрослого Фрэнка, парня с загадочной работой, которая требовала постоянных подводных путешествий между микроскопическими квартирками в Токио и Нью-Йорке. Фрэнку не потребовалась ни моя помощь, ни подсказки программы, чтобы изобразить высокие здания, крошечные офисы и маленького человечка в смокинге, которого

он вставил в текст с такой легкостью, точно всю жизнь только этим и занимался. Я задумалась над тем, чем будет зарабатывать на жизнь настоящий Взрослый Фрэнк. Станет графическим дизайнером? Метрдотелем на круизном лайнере? Дублером Джеймса Бонда?

Распечатав книгу, мы читали ее, лежа под кухонным столом.

– Должен признаться, я никогда не видел подводную лодку изнутри, – сказал Фрэнк, листая отобранную у меня книгу.

– Не страшно, это ведь художественное произведение, – успокоила его я.

– А вдруг потом окажется, что книга – обо мне.

– Все может быть. Видишь ли, никто не может предвидеть будущее.

– Кассандра могла. И мама.

– Мама не может.

– А вот и может! Мама всегда говорит, что если я не выучу таблицу умножения, то стану бездомным. Она не представляет, как мне тяжело с цифрами. Я пытался ей объяснить, что теряюсь в них, как Ганс и Гретель в лесу, когда птицы склевали их хлебные крошки. Мама сказала, что я для этого слишком умный. Согласен: я бы отмечал дорогу камешками, а не такой мимолетной субстанцией, как хлебные крошки. Я бы взял серый гравий, в цвет простого фланелевого костюма, хотя, учитывая распределение светотени в лесу, белая мра-

морная крошка стала бы более удачным выбором.

– Твоя мама на самом деле не думает, что ты станешь бездомным, Фрэнк, – сказала я.

– Даже не знаю. Иногда она говорит, что я окончу свои дни в тюрьме. Когда я что-нибудь разобью или сломаю.

– Что, например?

– Как-то я хлопнул дверцей такси и сломал маме палец. А в подготовительном классе однажды произошел досадный инцидент со скакалкой, в результате которого одна девочка пролетела над детской площадкой. Потом меня оправдали. Я так и не понял, почему она расстроилась. Разве не все люди мечтают научиться летать, Элис?

Он сказал это таким тоном, что я засомневалась, не зря ли его оправдали, и в то же время очень обрадовалась, что Фрэнк запомнил мое имя.

С тех пор как слово «Елис» стерлось с его руки, он избегал обращаться ко мне по имени.

– Держи, – сказал Фрэнк, протягивая мне свою книгу. – Возьми ее вместо той, что пообещала тебе мама. Теперь ты можешь уехать. Собирай вещи, я вызову такси.

А я-то думала, что мы подружился!

Что касается книги Мими, то я не могла сказать, как она продвигается. В полдень мы с Фрэнком обычно обедали, затем я сооружала поднос с ланчем, а Фрэнк выходил в сад и срывал для мамы цветок. Мы ставили выбранное им украше-

ние, часто наполовину увядшее или с оторванными лепестками, в высокий стакан, и я относила поднос под дверь кабинета.

Несмотря на обещание ждать меня на кухне, Фрэнк крался за мной по коридору, как Кэри Грант в «Поймать вора», вжимаясь в стену, если я оглядывалась. Поставив поднос и постучав в дверь, я всегда слышала за спиной отчаянный топот: Фрэнк что есть духу мчался обратно в кухню. Я специально считала до десяти, чтобы он успел устроиться под столом с книжкой и немного отдышаться. После этого мы ели печенье.

Надо сказать, жульничал не один Фрэнк. Едва я подносила руку к двери, как из-за нее доносился громкий стук печатной машинки – Мими не пользовалась компьютером. Знаете, бывают такие старые дверные звонки с имитацией собачьего лая? Вероятно, она беспокоилась, что я слежу за ее успехами. Собственно, так и было. Мистер Варгас составил для нее график, и от меня требовалось раз в неделю вносить готовые страницы в компьютер, который лежал на столе без дела. Мими пользовалась им только для заказа продуктов или поисков одежды для Фрэнка на eBay. Затем я должна была отправлять готовые страницы мистеру Варгасу по электронной почте. Он не требовал окончательно отредактированной версии, или хоть как-то отредактированной. Просто хотел знать, что история складывается или не складывается – словом, что работа идет.

Беда в том, что Мими пока что не выдала мне ни одной странички. Когда я наконец решилась признаться в этом патрону, он ответил одним словом: «Терпение».

Часть вторая

Приключения начинаются

5

Проведя под домашним арестом большую часть июня, я решила, что нам с Фрэнком пора совершить побег, и однажды положила на поднос с ланчем записку:

«Можно взять ключи от машины?»

За это время мы с мальчиком несколько раз залезали в «Мерседес» и смотрели фильмы на моем ноутбуке, притворяясь, что путешествуем. С тех пор как я приехала, автомобилем ни разу не пользовались, не считая того, что он служил сценой для наших воображаемых приключений. По грязи, собравшейся на стеклах, и опавшим листьям под колесами видно было, что «Мерседес» давным-давно стоит на прико-
ле.

– Эта штука вообще ездит? – спросила я у Фрэнка.

– Да, только не сама, в отличие от самоиграющего рояля. Я бы первым поддержал такую технологию, только боюсь, что, если у нас будет самоходный автомобиль, мама не купит мне лошадь.

Мими вышла из кабинета, когда мы с Фрэнком лакоми-

лись послеобеденным печеньем. Фрэнк вскочил с места, перевернув стул, и бросился матери на грудь, чуть не сбив ее с ног.

– Осторожнее, Фрэнк, – сказала она. – Где ты взял изо-ленту?

В то утро Фрэнк надел свой парадный смокинг и безупречные утренние брюки, а над бровями и верхней губой приклеил кусочки черной изоленды на манер знаменитого комика Граучо Маркса.

– Какую? – спросил он.

– Черную. Я ведь ее спрятала, чтобы ты не вздумал еще раз приклеить над бровями. Помнишь, как больно было от-дирать?

– А, черную? Могу отдать, если нужно.

Он начал осторожно отрывать полоску над губой.

– Куда ты собралась ехать, Пенни? – спросила Мими.

– Элис, – машинально произнесла я, как говорят «будьте здоровы», если кто-то чихает. – Никуда конкретно. Просто подумала, что Фрэнку надо развеяться. Может, на детскую площадку, где он поиграет с детьми и...

– Нет! – в один голос закричали Фрэнк и Мими.

Наверное, мой ошеломленный вид заставил Мими поспешно объяснить:

– Фрэнк не любит ждать очереди, чтобы покататься на качелях.

– Конечно, ждать своей очереди – не самое веселое дело

на свете, — сказала я Фрэнку, — просто иногда в жизни приходится чем-то жертвовать, если хочешь дружить с другими детьми.

— Когда меня заставляют ждать в очереди, мне приходится биться головой о железный столб, — сказал Фрэнк. — И я не хочу дружить с детьми. Нет уж, увольте.

Мими устало закатила глаза, и я поняла, что они это уже проходили, причем не раз.

— Тогда можно просто покататься по городу. Почувствовать прохладный ветерок на лице. Подышать соленым морским воздухом. Мне ведь все равно придется возить его в школу осенью, так что надо привыкать.

— Я хочу почувствовать прохладный ветерок на лице, — сказал Фрэнк и ускакал по коридору, отрывая на ходу брови.

— Даже не знаю, — сказала мне Мими. — Ты в чужом городе, вы заблудитесь.

— Не заблудимся. Вон там, внизу, пляж.

— Там, внизу, вся Долина.

Я уловила в ее голосе тревогу.

— Ничего, — не отступала я, — у меня в телефоне есть ГПС. Она безучастно смотрела на меня.

— Глобальная позиционирующая система... — начала объяснять я.

— Я в курсе, что такое ГПС, — перебила меня Мими. — Просто я думаю. Ты и вообразить себе не можешь, как трудно с Фрэнком в городе.

– Я в одиночку возила двадцать пять третьеклассников в Бруклинский зоопарк и, как видите, жива. Я не боюсь.

Мими задумчиво провела рукой по губам. Я заметила, что у нее изгрызены все ногти.

– Раньше мы с Фрэнком постоянно придумывали себе приключения, – сказала наконец она. – Ты не представляешь, каким чудесным малышом он был. Я боялась, что его могут украсть, и серьезно подумывала нанять телохранителя. Не наняла, потому что Ксандер тогда проводил с нами больше времени.

– Ксандер? Кто это? – спросила я.

– Педиатр Фрэнка откуда-то пронюхала о моих опасениях, что его могут похитить, и дала мне визитную карточку психиатра, который занимается тревожными расстройствами, – продолжала она, точно не услышав вопроса. – Представляешь? Как будто я сумасшедшая! Я поняла, что эта женщина не увлекается литературой. Она даже не читала мою книгу. Слишком занята спасением жизней.

– Я тоже не читала вашу книгу, – соврала я, сама не понимая, что на меня нашло.

Она смотрела на меня, наверное, целую минуту и наконец сказала:

– А тебе не приходило в голову сделать это, перед тем как согласиться работать в моем доме?

– Мало того, что я путаюсь под ногами, так еще и в голову к вам залезть?

Господи, хоть бы она не додумалась заглянуть в мою прикроватную тумбочку, — мысленно взмолилась я. — Иначе неминуемо увидит потрепанную книгу с загнутыми уголками, которую я купила в аэропорту и прочла два раза подряд, пока летела в Лос-Анджелес, да и здесь открывала по вечерам, когда не спалось после заметок для мистера Варгаса.

Выражение лица Мими, которая никогда не баловала меня своим вниманием, напомнило мне сейчас мамино в детстве, когда я представала перед ней в пижаме, делая вид, что помылась, хотя на самом деле просто включала воду и делала модельное лицо перед зеркалом, пока не пройдет достаточно времени, чтобы она поверила. Мими точно меня раскусила. Мама всегда знала.

— В жизни не слышала большей глупости, — сказала наконец Мими.

— Я изучала бухгалтерию, — пожала плечами я, — и не слишком люблю читать.

— Не верю. Айзек не нанял бы помощницу, которая не читает книг.

— Я разбираюсь в компьютерах.

— Ну конечно, в наше время это самое главное, да? — фыркнула она, а я вдруг поняла, что в ее голосе звучит не злость, а удовлетворение.

— Ключи от машины на крючке у двери. Как только Фрэнк кого-то укусит, начнет биться головой или вырывать себе волосы, вези его домой.

Она подошла к столу и долго царапала что-то на листке из блокнота, сердито хмурясь. Закончив, она протянула мне листочек.

– Захвати с собой.

Она написала телефон загородного дома доктора Абрамс, номера и фамилии врачей из двух отделений «Скорой помощи» и педиатра – той самой, которая не любит читать.

– Фрэнк плохо плавает, – напутствовала она меня. – Если поедете на пляж, не выходите из машины.

В довершение ко всему Мими бросила на стол свой мобильный.

– Возьми на всякий случай, вдруг потеряешь листочек. Там все номера.

– Я никогда ничего не теряю, – заявила я. – Вдруг вам надо будет кому-то позвонить?

– Мне некому звонить. Бери.

Когда я дошла до середины коридора, она крикнула мне вслед:

– Спасибо, Элис!

Не Пенни, а Элис.

Отодрав от бровей изоленту, Фрэнк решил еще разок заглянуть в гардероб, чтобы найти более подходящий для послеобеденной автопрогулки костюм. Его выбор пал на белый полотняный пыльник, светлые брюки и белую же рубашку. Ансамбль дополняли кожаный авиаторский шлем с очка-

ми, яркий шелковый шарф и старомодный бинокль на шее. Пластмассовое мачете он засунул за пояс, а пробковый шлем – под мышку.

– А ты почему не одета? – спросил он у меня.

– Я одета, что тебя не устраивает?

Я думала, что футболка, свободные шорты-бермуды и легкие теннисные туфли – вполне подходящий наряд для солнечного дня в Южной Калифорнии.

– Все не устраивает! – заявил Фрэнк. – Я знаю, что тебе нужно. Клетка. Позволь, я принесу тебе свой клетчатый галстук.

– Не надо, – отказалась я. – Не люблю клетку.

– Как можно не любить клетку? – воскликнул Фрэнк и пустился в длительный экскурс о важности клетки, которая служила знаком отличия кланов в Великобритании с древних времен и до наших дней. Лекция плавно переросла в историю эволюции полосатого галстука, служившего первоначально средством различия университетских команд по гребле. Фрэнк остановился, чтобы перевести дыхание, и я застонала, поняв, что это надолго.

– Заводите моторы, господа! – взревел Фрэнк, услышав мой стон, и, выдернув из-за пояса мачете, бросился к пикапу. В левой руке он держал перед собой шлем, игравший роль щита, а правой размахивал мачете.

Я удивилась и обрадовалась, что Фрэнк с таким энтузиазмом поддержал мое начинание, только «Мерседес» поче-

му-то не заводился.

– В чем дело? – спросила я, ни к кому не обращаясь.

– Аккумулятор сел, – ответил юный всезнайка. – Если на автомобиле долго не ездить, нужно отсоединить провода, чтобы не уходил заряд. Мама не разрешила мне произвести необходимую процедуру. Она сказала, что отсоединение проводов равносильно капитуляции. И что я испачкаю рубашку.

– В каком смысле капитуляции?

– В смысле отказа водить машину.

– А она вообще на ней ездит?

– Бывает, что и месяцами за руль не садится. Водить машину – само по себе не такое уж приятное занятие, а когда доедешь в нужную точку, надо еще найти место для парковки. И не дай тебе господь поставить свою машину в многоэтажный паркинг: велика вероятность, что ты никогда больше ее не увидишь. А если повезет и ты все-таки найдешь машину, то окажется, что ты потеряла дурацкий талончик. И все. Ты обречена. Лучше бы осталась дома. Так говорит мама.

– И что, вы по несколько месяцев никуда не ездите? – спросила я.

– Ну почему, ездим. На такси.

Прошла целая вечность – во всяком случае, Фрэнк успел прочитать мне утомительную лекцию о принципах работы двигателей внутреннего сгорания, плавно перешедшую в

объяснение двигателя Николы Теслы, основанного на принципе переменного тока, который, как вам известно, произвел революцию в переносе электричества на длинные расстояния, к большому сожалению заклятого врага Теслы Томаса Эдисона, приверженца постоянного тока. Наконец у ворот появился автомеханик из ближайшего гаража с переносным зарядным устройством, призванным вернуть к жизни наш двигатель.

– Не останавливайте ваш автомобиль и не глушите двигатель как минимум полчаса, – предупредил меня механик, устранив неисправность.

– Это не мой автомобиль, – сказала я, расписываясь в блокноте. – Да вы не волнуйтесь, мы не остановимся до самого Белиза.

Механик вытаращил глаза.

– А парнишка... тоже не ваш? – спросил он, кивая на Фрэнка.

– Нет, я всего лишь шофер.

– Веселая вы девушка, – сказал он. – Приятного пребывания в Белизе. Не забудьте крем от загара.

Когда за ним хлопнула калитка, Фрэнк решил высказаться.

– По-моему, маме не понравится, если ты увезешь меня в Белиз.

– Я пошутила.

– Твои шутки не смешные. Ты можешь как-нибудь преду-

преждать, что собираешься пошутить? Например, говорить «тук-тук».

– Прекрасная мысль, – сказала я. – Слушай, Фрэнк, я хотела отвезти тебя в музей, только уже поздновато, так что предлагаю прокатиться вдоль пляжа. Купаться не будем, ладно?

– Я и не хочу. Спасатели говорят, что я плаваю, как будто тону. Не понимаю, какое им дело, раз я не тону.

Он протянул мне пробковый шлем.

– Это тебе, Элис. Сэр Говард Картер, обнаруживший гробницу Тутанхамона в Долине Царей, не пользовался солнцезащитным кремом.

Я сочла этот незначительный жест гигантским прыжком вперед – семейство Бэннинг готово принять меня в свои ряды!

– Спасибо, Фрэнк, – сказала я. – Очень мило с твоей стороны. Только давай оставим мачете дома, ладно?

Ни на секунду не задумавшись, мальчик швырнул мачете в небо. Я съежилась и прикрыла голову руками: хоть и знала, что нож пластмассовый, на вид он казался тяжелым. Удивившись, что оружие так и не вернулось на землю, я задрала голову. Неужели Фрэнк запустил его на орбиту? Мачете застряло в ветвях дерева. Я впервые заметила, что там, в гуще листьев, скрывается множество разных предметов. Пара детских кроссовок, связанных шнурками, – никогда не видела Фрэнка в спортивной обуви, – обруч, теннисная ракет-

ка, скакалка.

– Нужно как-нибудь взять лестницу и достать все эти вещи, – предложила я.

– Нет, – сказал Фрэнк. – Это арт-объект. Мы с мамой иногда беремся за руки и смотрим на него вместе. Нам нравится его спонтанная природа.

Выехав из ворот особняка, мы взяли курс на юг, на бульвар Сансет, затем повернули на запад и проехали через роскошные районы с тюдоровскими особняками, псевдоитальянскими палаццо и фальшивыми нормандскими фермами, спрятанными за пальмовыми и апельсиновыми рощами, обширными газонами и розовыми садами.

Порой из-за высокой стены выглядывали только будка охранников да сторожевая башня. На фасадах многих особняков красовались надписи «Продается». Мне не хватало воображения, чтобы представить человека, которому по средствам хоть один из этих дворцов. А продавалось штук десять, если не больше.

Добравшись до Тихоокеанского шоссе, мы повернули налево – если верить телефону, направо уходила дорога в Малибу, и вновь двинулись в сторону центральной части Лос-Анджелеса. Справа виднелась широкая пляжная зона, где мелькали пестрые стайки велосипедистов и любителей катания на роликовых коньках. Совсем недалеко от дороги были натянуты волейбольные сетки. Ближе к воде, на белом песке,

виднелись разноцветные зонтики от солнца и синие будки спасателей. Меня удивило, что вода выглядит серой и холодной. Я никогда так близко не видела Тихого океана и ожидала, что вода будет бирюзовой и прозрачной, как на детском рисунке тропического рая.

В боковое зеркало я видела, что сидящий сзади Фрэнк не проявляет никакого интереса к пляжу. Он высунул голову и руки в открытое окно, блаженно прикрыв глаза. Шелковый шарф развевался на ветру.

– Поосторожнее с шарфом, – крикнула я.

– Айседора Дункан безвременно скончалась во Франции четырнадцатого сентября тысяча девятьсот двадцать седьмого года. Шарф танцовщицы попал в колесо кабриолета, в котором она ехала, – выдал Фрэнк.

– Грустная история, правда?

– Да уж, веселого мало.

– Поэтому следи за шарфом.

Фрэнк заправил шарф под воротник и поднял стекло.

Некоторое время мы ехали молча. Впереди показались пирс Санта-Моника и миниатюрный парк развлечений, укомплектованный колесом обозрения и американскими горками, ярко выделявшимися на фоне неба.

– Знаешь, что было бы здорово? – нарушил молчание Фрэнк.

– Выкладывай, – сказала я, думая, что он намекает на аттракционы.

– Что выкладывать? – недоуменно переспросил он.

– Ничего. Скажи, что ты хотел.

– Найти тот маленький аэродром, откуда взлетают старинные самолеты. Это где-то поблизости, только я ездил туда еще совсем юным.

– А теперь ты просто антиквариат, – сыронизировала я.

– Я не антиквариат, – сказал он. – Антиквариатом считаются вещи, которым более пятидесяти лет. А те, которым от тридцати до пятидесяти, называются винтажными. Мне еще и до винтажных далеко, не то что тебе.

– Спасибо. А как называются такие, как ты?

– Я – ребенок. А вот мама уже антиквариат.

– Давай не будем ей этого говорить.

– Почему? Ведь это правда.

– В некоторых случаях правду говорить невежливо. Если чувствуешь, что сказанная тобой правда может обидеть собеседника, то лучше промолчи. Кстати, именно это имела в виду твоя мама, говоря о такте. Человек, у которого он есть, умеет держать свои мысли при себе.

Мальчик ничего не ответил. Бросив взгляд в зеркало, я поняла, что Фрэнк расстроен. Его лицо, как обычно, оставалось бесстрастным. Смену настроения выдавали только плечи, подскочившие до самых ушей. После этого он мог оказаться и замолчать надолго.

– Так что, поищем твой аэродром? – предложила я.

– Я бы очень хотел увидеть его вновь, – сказал Фрэнк.

Я сразу же съехала на обочину и сверилась с телефоном. Когда мы остановились на парковке возле летного поля, Фрэнк перелез вперед и стал рассматривать самолетики через ветровое стекло. Из машины нас выманил ярко-желтый биплан, который несколько раз взлетал и вновь возвращался на землю. Фрэнк вышел первым. Он стоял с авиаторскими очками на голове и прижимал к глазам бинокль, наблюдая за летящим самолетом, пока тот не исчез за горизонтом.

Пальто и шарф мальчика развевались на ветру, и маленькая фигурка показалась мне настолько трогательной, что я вышла сфотографировать его на телефон.

Мне пришло в голову, что надо снять его и для Мими. Я вытащила из кармана ее телефон, сделала снимок, а потом... потом я сделала нечто невообразимое: открыла и пролистала список контактов. Мной руководил необъяснимый импульс, который заставляет некоторых людей заглядывать в медицинский шкафчик, пользуясь удобствами в чужом доме. Я всегда считала, что не способна на такую низость, и вот мои глаза шарят по списку. Врачи, «Скорая помощь», несколько больниц...

Интересно, она дала мне свой настоящий телефон или тот, что получила в подарок за годовую подписку на еженедельное приложение «Как избежать несчастного случая»? Где все ее Дианы и Эдварды, Стивены и Шейлы, те люди, которых мы носим в кармане на случай, если очень нужно поговорить с кем-то, пока стоишь в очереди за кошачьим кор-

мом? А может, она удалила имена друзей, предполагая, что я начну рыться в телефоне, хотя я и сама этого от себя не ожидала?

Я прокрутила весь список, говоря себе, что в конце должно быть имя мистера Варгаса. Он доверял мне и считал единственным человеком, которого можно отправить к М. М. Бэннинг.

Есть! Айзек Варгас. И еще одно имя, которое я уже слышала. Ксандер.

– Что ты делаешь? – спросил Фрэнк, внезапно материализовавшись у меня под локтем.

От неожиданности я выронила телефон.

– Ничего. Просто фотографировала тебя для мамы. Смотри.

Быстро подняв телефон и выйдя из списка, я показала ему снимок, чувствуя громадное облегчение.

Фрэнк долго рассматривал фото и наконец сказал:

– Я тут похож на Маленького принца. Мы с мамой вместе смотрели картинки в этой книге, когда я был маленьким.

– Потому и похож, – сказала я.

Я открыла эту закономерность, работая в детском саду. В дни, когда дети приносили в садик свои любимые книги, в каждом из малышей легко было узнать Пеппи Длинныйчулок, Питера Пэна или Винни-Пуха. Я вывела из этого теорию, что сказка на ночь определяет судьбу. Вот и еще одно подтверждение: маленький стилига Фрэнк, склонный к пере-

падам настроения и нелогичным умозаключениям любитель шелковых шарфов и галстуков, явно прилетевший в наш мир с незнакомой маленькой и эксцентричной планеты.

А я, разумеется, шпионка Гарриет, не расстающаяся с блокнотом.

6

Вернувшись в машину, мы решили для полноты ощущений прокатиться по скоростной автостраде и взяли курс на скопление зубчатых башен в центральной части города. Вдалеке виднелись горы, напоминающие картонную декорацию.

Движение по шоссе трудно было назвать ездой в полном смысле слова. Это больше походило на поиски места для парковки перед открытием «Валмарта» на Семьдесят второй улице в Омахе в первый день распродаж после Дня благодарения. Машины двигались так медленно и плотно друг к другу, точно в Лос-Анджелес съехались все автомобилисты мира.

– Зимой в нашем регионе не очень холодно, и все же вон та гора вдалеке покрыта снегом, – сказал Фрэнк, наклоняясь вперед между сиденьями и тыча указательным пальцем вперед.

– Поразительно. Только знаешь, Фрэнк, джентльмены не указывают пальцами. Хотя, пожалуй, на горы можно. У гор ведь нет чувств, как у людей.

– Нельзя указывать на людей? А как же ты найдешь их глазами?

– Придумай что-нибудь. Тебе же неприятно, когда на тебя показывают пальцем и пристально смотрят, правда?

– Да, это уж точно. Знаю по личному опыту.

– А ты когда-нибудь бывал там, наверху? Играл в снегу? – спросила я.

– На горе? Нет. А снег видел в школе. Перед зимними каникулами его привозят оттуда на грузовиках и рассыпают по детской площадке для Зимнего фестиваля. Так гораздо удобнее.

Подумать только, а я еще удивлялась, что им доставляют питьевую воду!

– Интересно, – сказала я. – У нас в Омахе снег появляется обычным путем. Падает с неба.

– А в Лос-Анджелесе, когда горят леса, с неба падает пепел. Похоже на снег. И на хлопья для картофельного пюре, которыми заменяют снег в кино. Прошлым летом, во время огромного пожара, совсем не было ветра, и облако дыма, похожее на гигантский гриб, висело над горизонтом целую неделю.

– Как от атомной бомбы? Ужасно, да?

– Точно. Только ничего ужасного. Это было в Долине.

Фрэнк сказал это с таким видом, точно Долина находится не в паре съездов с магистрали, а на другой планете.

– А знаешь, о чем больше всего сожалел Эйнштейн? На-

деюсь, ты знакома с Эйнштейном?

– Который вывел формулу $E = mc^2$? Его все знают.

– Правда?

– Ну, я не имею в виду лично. Он ведь уже умер.

– Да, пятнадцатого апреля тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. Эйнштейн сожалел, что в тысяча девятьсот тридцать седьмом году подписал письмо ученого по имени Лео Силард, адресованное Франклину Рузвельту, в котором тот предупреждал политика об опасности изобретения нацистами ядерной бомбы, которое многие связывали со знаменитым уравнением Эйнштейна. Такая бомба могла привести к беспрецедентному кровопролитию. Убежденный пацифист Эйнштейн считал, что письмо, написанное Силардом, тоже связывает его с легендарным Манхэттенским проектом...

– В рамках которого ученые пытались придумать более доступное жилье в Нью-Йорке? – перебила я.

– Не понимаю, о чем ты, – растерянно произнес Фрэнк, явно выбитый из колеи.

Опять я пошутила без предупреждения!

– Тук-тук. Продолжай.

– Манхэттенским проектом, который привел к изобретению американскими учеными атомных бомб, сброшенных в конце Второй мировой войны на Хиросиму и Нагасаки. А ты знала, что самолет «Энола Гэй», который сбросил первую атомную бомбу, был построен в Омахе в тысяча девятьсот сорок пятом году?

– Нет, не знала, – сказала я. – Фрэнк, ты, наверное, любишь школу. Ты знаешь больше, чем все знакомые мне взрослые.

– Другие дети говорят, что я умственно отсталый.

– Ты же говорил, они считают тебя сумасшедшим.

– И это тоже.

– Может, их просто бесит, что ты умный и получаешь хорошие оценки. Дети порой такие глупые. Зато тебя любят учителя, правда?

– Знаешь, что говорит мама? Учителя терпеть не могут, когда их исправляют.

Час от часу не легче!

– Надеюсь, ты этого не делаешь?

– Только если они делают фактические ошибки.

Я посмотрела в зеркало. Фрэнк не втянул голову в плечи, хотя надел очки.

– Уинстон Черчилль провалил экзамены за шестой класс, – добавил он.

– Неужели?

– Да. Великий архитектор Фрэнк Ллойд Райт не окончил среднюю школу. Равно как и Кэгни, Гершвин, знаменитый фотограф Энсел Адамс и Ирвинг Берлин. А Чарли Чаплин и Ноэл Кауард – даже начальную.

– Ты точно знаешь?

– У мамы в прикроватной тумбочке лежит список. Если не веришь, загляни туда на досуге.

– Я тебе верю.

– Поехали домой.

– Да, капитан, – сказала я и на ближайшей развязке свернула с магистрали.

До конца поездки никто из нас не проронил больше ни слова. Мельком глянув в зеркало, я увидела, что Фрэнк спит, как младенец, очки-авиаторы висят на шее, а щека прижата к стеклу.

Подъехав к дому, я услышала через открытое окно барабанную дробь пишущей машинки. Не успела я заглушить двигатель, как Фрэнк выскочил из машины и понесся к дому, точно электрический кролик, преследуемый настоящими гончими. Я нашла его под дверью Мими. Он сидел на корточках, раскачиваясь в кресле, невидимом обычным землянам вроде меня.

– Что с тобой? – прошептала я.

– Просто хочу посидеть с ней немножко.

Я его понимала. Все бы отдала за возможность посидеть вот так со своей мамой.

– Ну, хорошо. Только не мешай ей работать, ладно?

Он кивнул, и я ему поверила. Пройдя на кухню, я вытащила из кармана обжигавший руки мобильный Мими и бросила на стол – пусть забирает. Достав из другого кармана список врачей и больниц, забила в свой телефон. После этого разобрала почту, захваченную на входе, то есть отсортировала рекламные буклеты от счетов. В почтовом ящике почти ни-

когда не бывало ничего другого. Изредка попадались письма от фанатов, которые можно было узнать по адресу, написанному от руки, и маркам. Хуже, если марок на измятом послании не было. Это означало, что его просунул в щель почтового ящика сам поклонник. Каждый раз, когда я протягивала Мими кусочки чьего-нибудь сердца, заключенные в конверт, она выбрасывала их, не читая.

Сегодня почта порадовала нас открыткой с изображением несуразной хижины, заваленной плюшевыми игрушками – из тех, что выигрываешь на ярмарке и потом таскаешь за собой весь день, не зная, как избавиться. Я перевернула открытку, приняв ее за дурацкую рекламу строительной компании или невероятно грустного детского сада, и обнаружила, что она адресована Фрэнку. Я не собиралась читать, просто слова, написанные крупными буквами, невольно бросались в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.